

ПЛАМЯ МЕРТВОЙ ПОЛЯНЫ

Радимир Даровский

Радимир Даровский

Пламя Мертвой Поляны

«Автор»

2026

Даровский Р.

Пламя Мертвой Поляны / Р. Даровский — «Автор», 2026

Что может ждать после смерти обычного менеджера по закупкам – человека усталого, одинокого и уверенного, что ничего интересного с ним уже не случится? Казалось бы, ничего. Но после нелепой гибели он неожиданно получает второй шанс и просыпается в теле юного дворянина — последнего наследника разоренного рода. До распродажи усадьбы остается месяц. Родовое пламя почти угасло, враги уже делят добычу, а под Мертвой поляной спит древняя сила, ради которой когда-то уничтожали целые династии. Андрею Сомову предстоит стать Александром Орловым: вернуть дому имя, заключить опасные союзы, выжить в дуэлях и интригах, понять свой странный дар и открыть тайну Врат. Но чем ближе он подходит к разгадке, тем яснее становится: спасти род мало. Придется удержать от распада саму реальность.

© Даровский Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последний день	5
Глава 1. Наследник развалин	10
Глава 2. Пламя рода	19
Глава 3. Дуэль	26
Глава 4. Тайники и тайны	32
Глава 5. Мертвая поляна	39
Глава 6. Первые деньги	44
Глава 7. Следствие	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Радимир Даровский

Пламя Мертвой Поляны

Пролог. Последний день

Утро началось с кофе, который я снова не успел допить.

Белая кружка с тонкой трещиной возле ручки стояла на краю кухонного стола. Когда-то ее купила Лена. На кружке была надпись: «День будет хорошим». За годы буквы почти стерлись, но выбросить кружку я так и не смог. Наверное, потому, что тогда пришлось бы признать: некоторые вещи остаются в жизни дольше людей, которые их принесли.

За окном серел мартовский рассвет. По мокрому проспекту уже тянулся поток машин, во дворе скрежетала лопата дворника. Самый обычный будний день. В последнее время моя жизнь вообще состояла почти исключительно из обычных дней.

Телефон завибрировал на столе. Я посмотрел на экран и вздохнул.

— Да, Игорь Юрьич.

Судя по голосу, утро у него началось плохо. Впрочем, как и у всех, кто имел отношение к строительным подрядчикам.

Проблема оказалась ожидаемой. Две компании, работавшие на одном объекте, снова сцепились между собой. Одни обвиняли других в задержке поставок, другие утверждали, что получили измененную спецификацию слишком поздно. Объект стоял, сроки горели, руководство нервничало.

— Я буду через сорок минут, — сказал я. — Ничего не подписывайте и никому ничего не обещайте.

— Они уже готовы друг другу глотки перегрызть.

— Надеюсь, успею застать их живыми.

Отключив телефон, я сделал глоток остывшего кофе и поморщился. Иногда мне казалось, что вся моя жизнь стала похожа на этот кофе: когда-то горячая и бодрящая, а теперь просто привычная.

В переговорке меня встретили именно так, как я и ожидал. За длинным столом сидели две группы мужчин в дорогих костюмах и смотрели друг на друга с таким выражением, будто вопрос поставок должен был решаться исключительно в честном кулачном бою.

Первые десять минут я почти не говорил. Это был один из немногих профессиональных навыков, которым я действительно гордился. Люди любят рассказывать о своих проблемах. Особенно если уверены, что абсолютно правы. Обычно достаточно просто внимательно слушать, чтобы понять, где именно они лгут, где заблуждаются, а где сами не замечают собственных ошибок.

Постепенно шум превратился в понятную картину. Поставка действительно задержалась. Спецификация действительно менялась. И обе стороны пытались использовать ситуацию в своих интересах. Через полтора часа спор был урегулирован. Подрядчики ушли не друзьями, но и не врагами. Объект продолжал работать, компания избегала штрафов, руководство оставалось довольным.

Игорь Юрьевич проводил меня до двери и хлопнул по плечу.

— Ну ты молодец, Сомов. За это тебя и держим.

Я улыбнулся, хотя внутри неприятно кольнуло. Держим. Не продвигаем, не повышаем, не приглашаем в руководство. Просто держим — как хороший инструмент, который всегда под рукой.

Наверное, именно в тот момент я особенно ясно понял, что моя карьера закончилась задолго до того, как я это заметил. Не провалилась. Не рухнула. Просто застыла. Я уже несколько лет находился на одной и той же ступени и прекрасно понимал, что выше меня никто поднимать не собирается.

Остаток рабочего дня прошел как сотни предыдущих. Таблицы, письма, счета, согласования. В обед я съел салат прямо за столом, почти не ощущая вкуса. Коллеги обсуждали отпуска, детей, новые автомобили. Я поддерживал разговор, но все чаще ловил себя на ощущении, будто наблюдаю за происходящим через толстое стекло.

К вечеру неожиданно захотелось открыть старый блокнот, который много лет лежал в нижнем ящике стола. На первой странице было написано: «Мастерская авторской мебели».

Я долго смотрел на эти слова. Когда-то мне было двадцать шесть, и я всерьез собирался открыть собственное дело: проектировать мебель, работать с деревом и металлом, создавать красивые вещи, которые останутся после меня. Тогда это казалось не мечтой, а вполне реальным планом. Потом понадобилась стабильность, потом появились кредиты, потом было повышение, потом еще одно — и вдруг оказалось, что прошло десять лет.

Я закрыл блокнот и убрал его обратно. Некоторые мечты умирают не потому, что оказываются невозможными. Просто однажды человек настолько привыкает откладывать их на потом, что перестает замечать их наличие.

Домой я возвращался без всякой спешки. Дождь шел с самого утра и к вечеру стал только сильнее. Машины ползли по мокрым улицам, отражаясь в лужах размытыми огнями.

На одном из перекрестков я остановился на красный сигнал светофора и увидел мальчика лет пяти. Он стоял рядом с матерью и запускал в воздух бумажный самолетик. Самолетик давно размок от дождя и почти не летел, но мальчик снова и снова поднимал его с асфальта и пытался запустить еще раз. Почему-то эта сцена задела меня сильнее, чем следовало.

У нас с Леной не было детей. Иногда мне казалось, что именно поэтому в наших отношениях появилась трещина. Лена ушла четыре года назад — не к другому мужчине, не из-за скандала. Она просто устала жить рядом с человеком, который сам перестал понимать, чего хочет от жизни. И, наверное, я не имел права ее за это осуждать.

Дом встретил меня тишиной. Когда-то я любил возвращаться сюда. Даже после самого тяжелого дня было приятно открыть дверь и знать, что внутри тебя кто-то ждет. Сейчас квартира стала просто местом, где я ночевал. Не плохим, не хорошим — просто пустым.

Я бросил ключи на тумбочку, снял куртку и прошел на кухню. Утренняя кружка по-прежнему стояла возле раковины. На дне темнел высохший след от кофе. Почему-то именно в тот вечер она показалась мне особенно нелепой — словно вся моя жизнь постепенно превратилась в набор вещей, которые я давно собирался изменить, но так и не собрался.

Ужинать не хотелось. Я отрезал несколько ломтиков сыра, съел их стоя и включил телек. На экране какие-то люди громко смеялись над шутками ведущего. Я смотрел на них несколько минут, пытаюсь понять, что именно кажется им смешным, потом выключил звук.

Телефон зазвонил около половины одиннадцатого. Мать.

— Не спишь?

— Пока нет.

— Устал?

— Немного.

Она помолчала.

— Ты бы отпуск взял.

— Возьму.

— Андрей, ты это уже года три говоришь.

Я невольно усмехнулся. Мать всегда умела замечать вещи, которые я предпочитал не замечать сам.

— Возьму, — повторил я.
— Ладно. Спокойной ночи.
— Спокойной ночи.

После разговора квартира стала казаться еще тише. Я долго стоял в ванной перед зеркалом. Лицо выглядело вполне обычным. Не старым. Но каким-то выцветшим — будто годы понемногу стирали с него краски.

Тридцать семь лет. Когда-то этот возраст казался мне почти вершиной взрослой жизни. Я был уверен, что к этому времени обязательно пойму, зачем живу. Построю что-нибудь свое, добьюсь чего-нибудь важного. Вместо этого я научился безошибочно отличать хороший договор поставки от плохого. Достижение, конечно, полезное — но вряд ли именно о нем мечтают в двадцать лет.

Я лег спать около полуночи. Тогда я еще не знал, что вижу эту квартиру в последний раз.

Разбудил меня шум, раздававшийся со двора, — резкий, тревожный, совершенно неуместный.

Несколько секунд я лежал неподвижно, пытаюсь понять, приснилось мне это или нет. Потом крик повторился, и я окончательно проснулся.

Подойдя к окну, я увидел во дворе скопление людей. Возле арки горел фонарь, в мокром свете которого двигались темные фигуры. Кто-то махал руками, кто-то разговаривал по телефону. На асфальте, прямо посреди двора, лежал человек.

Я автоматически посмотрел на часы — без двадцати два.

Наверное, можно было остаться дома. Скорую наверняка уже вызвали. Полицию, может быть, тоже. Но вместо этого я натянул джинсы, накинул куртку и вышел из квартиры. Сам до сих пор не понимаю зачем. Может быть, потому что человеку свойственно идти туда, где случилась беда, — даже если он ничем не может помочь.

Во дворе моросил дождь. Влажный воздух пах мокрым асфальтом, сырой листвой и чем-то металлическим — то ли от старых гаражей, то ли просто от осенней ночи.

На земле лежал старик.

Очень старый. Очень нелепый для этого двора, для этого часа, для этой мокрой площадки между подъездами. На нем было длинное темное пальто, совершенно не по погоде и не по месту, а седые волосы прилипли ко лбу. Лица почти не было видно: его закрывала тень от фонаря и мокрый воротник.

Рядом стояла пожилая женщина в накинутом на халат пуховике и псом на поводке. Дрожащим голосом она объясняла кому-то по телефону:

— Да лежит он! Просто лежит!.. Я вышла с Байкалом, ему приспичило... а он тут. Господи, ну откуда я знаю, дышит он или нет?

— Скорую вызвали? — спросил я.

Она резко повернулась.

— Да. Уже едет. Не трогайте его. Мне сказали не трогать.

Я присел рядом со стариком.

Никаких медицинских знаний у меня не было, и я прекрасно понимал, что от моего присутствия пользы немного. Пульс искать? Проверять дыхание? В такие моменты сразу выясняется, что все твои деловые навыки, умение спорить с подрядчиками и выбивать скидки за срыв сроков не стоят ровным счетом ничего.

Но почему-то уйти я тоже не мог.

Старик лежал неподвижно.

Слишком неподвижно.

Я наклонился ближе и вдруг понял, что он дышит. Едва заметно, с длинными паузами, будто каждый вдох давался ему не тяжело, а просто был необязателен.

— Слышите меня? — спросил я.

Никакого ответа.

Кто-то за моей спиной сказал:

— Может, пьяный?

— В таком пальто?

— А что, пьяные пальто не носят?

Люди нервничали и оттого говорили глупости. Я бы, наверное, тоже говорил, если бы не смотрел сейчас на лицо старика. В нем было что-то неправильное. Не страшное даже. Просто не совпадающее с нашим двором, мокрым асфальтом, мусорными баками и желтым светом фонаря.

Потом старик открыл глаза.

Сразу.

Без мутного пробуждения, без испуга, без попытки понять, где он оказался.

Он посмотрел прямо на меня.

От этого взгляда мне стало не по себе.

Глаза у него были ясные. Слишком ясные для человека, которого нашли без сознания на асфальте. Так не смотрят люди, которым плохо. Так смотрят те, кто уже давно все решил и теперь только проверяет, правильно ли расставлены фигуры.

— Не здесь... — тихо произнес он.

Я наклонился ближе.

— Что?

Старик едва заметно улыбнулся.

— Еще не здесь.

Наверное, любой другой на моем месте решил бы, что перед ним обычный бред старого человека. Наверное, так оно и было. Но мне почему-то стало тревожно — словно в этих словах скрывался какой-то смысл, который я не мог понять.

— Вам плохо? — спросил я. — Скорая едет.

— Тебе тоже, — сказал он.

— Что?

Он смотрел на меня так спокойно, что по спине прошел холод.

— Второй шанс не дают тем, кто хочет жить заново. Его дают тем, кто согласится платить.

Я замер.

— Вы меня знаете?

Старик не ответил.

Где-то за спиной залаяла собака. Потом кто-то вскрикнул — уже не от испуга за старика, а иначе, резко, предупреждающе.

Я обернулся.

Из арки во двор влетел темный внедорожник.

Потом все произошло слишком быстро.

Водитель, видимо, увидел людей в последний момент и ударил по тормозам. Машину занесло на мокром асфальте. Она пошла боком, прямо в сторону толпы.

Люди бросились врассыпную.

Я тоже вскочил.

Еще секунда — и я успел бы отскочить. Но судьба иногда решает исход человеческой жизни при помощи совершенно нелепых мелочей: под ногой оказалась металлическая крышка люка, скользкая от дождя. Нога поехала. Я потерял равновесие, попытался удержаться — и не успел.

Удар оказался неожиданно сильным.

Мир перевернулся.

На мгновение я увидел темное небо, фонарь, мокрые ветви дерева и лица людей, искаженные ужасом.

Потом все исчезло.

Боли почти не было. Наверное, это должно было напугать меня сильнее всего — но почему-то страха я не чувствовал. Только усталость. Огромную, тяжелую усталость человека, который слишком долго шел по дороге и вдруг понял, что больше не может сделать ни шага.

Голоса вокруг становились все тише. Кто-то что-то кричал, кто-то вызывал врачей — но все это быстро отдалялось, словно я погружался под воду. Перед глазами вспыхивали обрывки воспоминаний: Лена, институтский двор, запах свежих досок в мастерской отца, черный блокнот с планами собственного дела, бумажный самолетик в руках мальчишки на перекрестке. Странно. В последние секунды жизни человек вспоминает не то, что считает самым важным. Он вспоминает то, что действительно важно.

Темнота подступала все ближе. И тогда мир вдруг изменился.

Исчезли дождь, двор, люди. Я стоял посреди бесконечного серого пространства, и рядом был только старик — теперь совсем другой: высокий, прямой, словно время больше не имело над ним власти. Он смотрел на меня спокойно и внимательно, и почему-то этот взгляд казался знакомым.

— Если бы тебе дали второй шанс, Андрей Сомов, — спросил он, — ты бы пытался снова и снова спасти то, что обречено?

Я хотел уточнить, что именно он имеет в виду. Брак? Мечты? Собственную жизнь? Но почти сразу понял, что вопрос касается всего сразу — всех надежд, всех привязанностей, всех дел, за которые люди берутся, заранее зная, что однажды потеряют их или не доведут до конца.

Перед глазами неожиданно возник тот самый мальчишка с бумажным самолетиком. Самолетик давно размок под дождем и уже не мог летать, но мальчик снова и снова поднимал его с земли и пытался запустить в воздух. Возможно, потому что человек вообще устроен странно: мы любим то, что можем потерять, строим то, что однажды разрушится, и надеемся даже тогда, когда надежды почти не остается. Наверное, именно это и делает нас людьми. Поэтому ответ пришел сразу.

— Да.

Старик кивнул, словно услышал именно то, чего ждал. На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Тогда попробуй еще раз.

Я хотел спросить, кто он такой и что означают его слова, но не успел. Серое пространство дрогнуло и начало расплываться, словно отражение в воде. Последнее, что я увидел, были глаза старика — спокойные, бесконечно старые и почему-то полные сочувствия.

А потом наступила темнота.

Глава 1. Наследник развалин

Первым ощущением был холод.

Он проникал откуда-то снизу, через спину, через затылок, через ладони. Холод был неприятным, сыроватым, словно я лежал не в постели, а на каменном полу старого подвала. Потом пришла боль: голова раскалывалась так, будто кто-то всю ночь старательно бил меня по вискам молотком.

Я застонал и попытался открыть глаза. Получилось не сразу. Свет ударил в лицо настолько ярко, что пришлось снова зажмуриться. Несколько секунд я лежал неподвижно, пытаюсь понять, что происходит.

Последнее, что я помнил: дождь, двор, фары автомобиля, удар, старик, вопрос про второй шанс. После этого была темнота. Долгая. Абсолютная.

Я осторожно приоткрыл глаза еще раз. Надо мной находился потолок — высокий, побеленный, покрытый сетью мелких трещин. В углу темнело большое влажное пятно.

Я медленно повернул голову. Комната оказалась просторной и совершенно незнакомой. Два высоких окна пропускали внутрь солнечный свет. Возле стены стоял массивный шкаф из темного дерева, напротив — письменный стол, заваленный книгами и бумагами. Никаких признаков больницы, никаких признаков моей квартиры. Вообще ничего знакомого.

Сердце забилось быстрее. Я резко сел — и сразу же пожалел об этом. Перед глазами потемнело, голову прострелило новой вспышкой боли. Пришлось ухватиться за край кровати.

— Спокойно... спокойно...

Собственный голос показался чужим. Слишком молодым.

Я замер, потом медленно поднял руку. Рука тоже была чужой — узкая, худая, без заметных следов возраста. Я уставился на нее, не понимая, что вижу.

Нет. Так не бывает.

Я вскочил с кровати и едва не упал. Комната качнулась, пол ушел куда-то в сторону. Но я все-таки добрался до высокого зеркала, висевшего между окнами.

Несколько секунд просто смотрел. Потом медленно коснулся пальцами лица. Отражение повторило движение.

На меня смотрел незнакомый юноша лет восемнадцати. Темные волосы, бледное лицо, серые глаза, тонкие черты. Никакой седины, никаких морщин. Никакого Андрея Сомова тридцати семи лет. В зеркале был кто-то другой.

— Нет... — голос прозвучал хрипло. — Нет. Нет. Нет...

Я сделал шаг назад, потом еще один, уперся в кровать и сел. Несколько минут просто сидел, пытаясь привести мысли в порядок. Паника накатывала волнами: это сон, галлюцинация, кома, последствия травмы. Что угодно. Любое объяснение выглядело разумнее, чем то, которое постепенно начинало складываться у меня в голове.

В дверь постучали. Я вздрогнул и не успел ответить — дверь открылась.

В комнату вошла девушка лет двадцати. Светлые волосы были убраны под косынку, простое темное платье выглядело старомодным настолько, что сначала я решил: снимают исторический фильм. Девушка увидела, что я не лежу в постели, и испуганно всплеснула руками.

— Барин! Вы очнулись!

— Да...

Она смотрела на меня так, будто произошло чудо.

— Матушка обрадуется.

— Какая матушка?

Девушка растерянно заморгала.

— Ваша матушка, Александр Павлович.

У меня внутри что-то оборвалось. Александр Павлович. Не Андрей, не Сомов. Александр Павлович.

— Позовите ее, — медленно произнес я.

Девушка кивнула и почти выбежала из комнаты. Через несколько минут послышались торопливые шаги, и в комнату вошла женщина лет сорока пяти вся в черном — высокая, очень красивая даже сейчас, хотя усталость и тревога заметно отражались на ее лице. Увидев меня на ногах, она остановилась. Потом неожиданно заплакала.

Я окончательно перестал понимать происходящее.

Женщина быстро подошла и обняла меня.

— Саша... — голос дрожал. — Господи, Саша...

Я сидел неподвижно. Наверное, со стороны это выглядело странно. Но обнимать незнакомую женщину, которая считала меня своим сыном, оказалось выше моих возможностей.

Она первой заметила мою растерянность. Отступила на шаг, внимательно посмотрела мне в лицо.

— Что случилось?

Я лихорадочно искал ответ. Сказать правду? Что я тридцатисемилетний менеджер из Москвы, погибший под колесами автомобиля? Да меня сразу отправят к местному психиатру — если он здесь вообще существует.

— Голова болит, — осторожно сказал я. Это была чистая правда.

— Лекарь предупреждал.

Она вздохнула и опустилась в кресло. В этот момент я впервые заметил, насколько она выглядит измученной. Под глазами лежали темные тени, на висках серебрились ранние седые волосы. Человек, который много месяцев живет в постоянной тревоге.

— Ты нас очень напугал, Саша.

— Что произошло?

Она удивленно подняла брови.

— Ты не помнишь?

— Смутно.

— Лошадь понесла. Хорошо еще, что тебя нашли быстро.

Лошадь. Конечно. Почему бы и нет — после переселения души в чужое тело лошадь выглядела вполне логичным дополнением.

Я потерял лоб.

— Сколько я был без сознания?

— Три дня.

Три дня. Я попытался осторожно оглядеться. Теперь некоторые детали бросались в глаза: свечи, старинная мебель, одежда. Никаких розеток, никакой техники, ничего современного. Похоже, это действительно был не театр и не съемочная площадка. Я попал. По-настоящему. И от этой мысли стало неожиданно холодно.

Женщина продолжала говорить, я слушал внимательно. Каждое слово сейчас могло оказаться важным. Постепенно из ее рассказа начала складываться картина. Мое новое имя — Александр Орлов, мне восемнадцать лет, я единственный сын главы рода Орловых. Точнее, уже бывшего главы: отец внезапно умер месяц назад.

Сказав о смерти мужа, женщина вздохнула, по лицу пробежала тень.

— Что с ним случилось? — осторожно спросил я.

— Удар.

Мы оба помолчали прежде чем я решил уточнить:

— Значит, теперь я — глава рода Орловых? Мне надо принять дела?

Женщина невесело усмехнулась — так усмехаются люди, которые давно устали притворяться.

— Какие дела, Саша?

И в этот момент я понял, что услышать приятные вещи мне не светит.

К вечеру картина стала почти полной. Поместье Орловых находилось в отдаленной провинции нашей империи. Когда-то род считался достаточно влиятельным — не первым среди аристократических родов, но вполне уважаемым. Потом начался медленный упадок: неудачные вложения, долги, потеря части земель, смерть нескольких сильных представителей рода. Окончательно ситуацию добил отец Александра. Не злодей, не дурак — просто человек, который пытался удержать рушащееся хозяйство и проиграл. Теперь поместье фактически принадлежало кредиторам. Через месяц начиналась процедура распродажи имущества: земель, лесов, мельниц, даже части самого дома. Формально Орловы еще оставались владельцами. Фактически их уже списали со счетов.

Когда стемнело, я вышел в коридор.

Дом выглядел именно так, как должен выглядеть дом разоряющегося дворянского рода. Когда-то богатый, теперь уставший. Потрескавшаяся лепнина, потемневшие портреты предков, следы протечек на потолке, пустые ниши там, где раньше стояли дорогие статуи или вазы. Здесь уже чувствовалось дыхание будущей распродажи. И почему-то именно тогда мне впервые стало по-настоящему страшно — не из-за переселения, не из-за нового мира. Из-за простой мысли: если я действительно оказался в теле Александра Орлова, то все проблемы рода теперь мои. А я понятия не имею, что делать с полуразрушенным поместьем, долгами и наследством, которого фактически нет.

Я шел по коридору медленно, стараясь не показывать, что до сих пор не вполне уверенно держусь на ногах. Тело Александра Орлова было молодым, но после трех дней беспмятства слабость в нем сидела основательно. К тому же я все еще плохо понимал, как с ним обращаться. Ноги казались слишком длинными, руки — слишком тонкими, дыхание — непривычно легким. В тридцать семь лет человек уже знает свое тело до последней боли в пояснице и до каждой старой микротравмы. Здесь же все было чужим: походка, голос, даже то, как сердце отзывалось на испуг.

Дом производил тяжелое впечатление. Не потому, что был совсем заброшен — нет, здесь еще пытались сохранять достоинство. На перилах лестницы не лежала пыль, полы были вымыты, в высоких вазах у стен стояли сухие ветви, вероятно, заменявшие цветы. Но в каждой детали чувствовалась не бедность даже, а истощение. В одном месте ковер был вытерт до основы. На стене темнело прямоугольное пятно, оставшееся от проданной картины. У окна в нише стояла подставка без статуи. Парадная люстра под потолком казалась огромной и торжественной, но в ней горела только половина свечей.

На лестнице я встретил пожилого мужчину с узким, сухим лицом. Он нес под мышкой толстую папку и при виде меня остановился так резко, будто наткнулся на привидение.

— Александр Павлович. Вам не следовало вставать.

Я отметил про себя обращение и тон. Не слуга. Скорее управляющий или что-то в этом роде.

— Мне надо понять, в каком мы положении, — сказал я.

Мужчина чуть заметно приподнял брови. Видимо, прежний Александр такими вопросами не интересовался.

— Вашей матушке сейчас не до хозяйственных разговоров.

— Поэтому я говорю с вами.

Он посмотрел на меня внимательнее. В его взгляде мелькнуло удивление, которое он тут же спрятал за почтительной сдержанностью.

— В таком случае прошу в кабинет покойного Павла Андреевича.

Имя отца я услышал впервые и запомнил сразу. В моем положении следовало запоминать все: имена, интонации, должности, обиды, недосказанности. Любая мелочь могла стать либо спасением, либо ловушкой.

Кабинет находился в дальнем крыле дома. Там пахло старой бумагой, табаком и холодной золой. Большой письменный стол был завален счетами, реестрами, письмами с сургучными печатями и какими-то ведомостями. На стене висел портрет мужчины лет пятидесяти с тяжелым взглядом и густыми темными бровями. Я догадался, что это Павел Андреевич Орлов, мой новый отец, которого я никогда не видел живым.

Управляющий представился сам, видимо, решив, что после удара головой мне можно простить некоторые странности.

— Федор Кузьмич Ратников, управляющий имением Орловых уже двадцать третий год.

— Хорошо, Федор Кузьмич. Расскажите мне все как есть. Без смягчений.

Он долго смотрел на меня, словно решая, имею ли я право требовать такой откровенности. Потом положил папку на стол, развязал тесемки и стал доставать бумаги.

Разговор занял почти два часа. Если бы еще вчера мне сказали, что опыт начальника отдела закупок пригодится в чужом теле, в полуразрушенном дворянском поместье и, кажется, в совершенно другом мире, я бы решил, что говорю с безумцем. Но именно этот опыт сейчас удержал меня от окончательной паники. Цифры успокаивали. Долги, проценты, залоги, сроки взыскания, описи имущества — все это было страшно, но по крайней мере поддавалось пониманию. Катастрофа, выраженная в документах, уже не казалась мистическим проклятием. Она превращалась в задачу. Очень плохую, почти безнадежную — но задачу.

Положение рода Орловых оказалось хуже, чем я надеялся, и чуть лучше, чем могло быть. Денег почти не было. Земли частично заложены. Северный лес уже находился под спорным обременением. Две мельницы работали в убыток из-за старого конфликта с купеческой артелью. Конюшня, когда-то знаменитая на всю губернию, держалась только на упрямстве старого конюха и матушкиной сентиментальности. Главная сумма долга была оформлена через кредитную контору князя Вяземского. Если в течение месяца Орловы не внесут хотя бы часть платежа и не докажут способность обслуживать долг дальше, начнется распродажа имущества.

— Сколько нужно внести? — спросил я.

Федор Кузьмич назвал сумму. Я не знал местных цен, но по его лицу понял: много. Очень много.

— А сколько у нас есть?

Он назвал другую сумму.

Я невольно усмехнулся.

— То есть почти ничего.

— Если говорить прямо, Александр Павлович, да.

Я откинулся на спинку кресла. В голове неприятно гудело. Смерть, переселение, чужое тело, разоренный род, месяц до распродажи. Для одного дня впечатлений было многовато.

— Почему отец допустил это?

Федор Кузьмич вздохнул.

— Ваш батюшка пытался спасти имение. После смерти вашего деда дела уже были расстроены. Павел Андреевич закладывал одно, чтобы удержать другое. Продавал часть леса, чтобы выкупить мельницу. Брал кредит, чтобы запустить винокурню. Винокурня сгорела. Потом был неурожай, потом тяжба с Голицыными за южные земли, потом болезнь вашей сестры...

— Моей сестры? — вырвалось у меня.

Управляющий поднял глаза. Я понял, что ошибся — слишком резко среагировал.

— Голова, — сказал я, коснувшись виска. — Некоторые вещи будто проваливаются.

Лицо Федора Кузьмича смягчилось.

— Елизавета Павловна умерла пять лет назад Она была на год моложе вас.

Значит, у Александра была сестра. И эта умершая девочка до сих пор жила в памяти дома. Еще одна чужая боль, которую мне предстояло носить как свою.

— Продолжайте, — попросил я.

Он продолжил — говорил сухо, но не без сочувствия. Постепенно я начал понимать и самого Павла Андреевича Орлова. Он не проиграл состояние за карточным столом, не спустил наследство на любовниц и не разорил род глупым тщеславием. Он просто слишком долго пытался удержать все сразу: дом, земли, имя, людей, память предков. В моем прежнем мире это называлось плохим антикризисным управлением. Здесь, вероятно, называлось дворянской честью.

— Значит, через месяц нас начнут продавать по частям, — сказал я, когда Федор Кузьмич закончил.

— Формально будут продавать имущество, Александр Павлович.

— Не вижу большой разницы.

Он не ответил.

За окнами сгущались сумерки. В кабинете становилось темнее, но я не спешил звать слуг — мне нужно было думать. Не страдать, не ужасаться, не спрашивать у небес, за что мне все это, а именно думать.

— Что можно продать быстро и без окончательной гибели хозяйства?

Федор Кузьмич посмотрел на меня с осторожностью.

— Простите?

— Мне нужен список имущества, которое можно реализовать до начала взыскания. Быстро, но так, чтобы не потерять больше, чем получим. Также отдельно — все, что приносит хоть какой-то доход: земля, арендаторы, лес, мельницы, долги нам, спорные платежи. И все кредиторы: по каждому — сумма, срок, возможность отсрочки, личная заинтересованность.

Управляющий молчал. Я уже решил, что сказал что-то невозможное для местных реалий, но потом он осторожно произнес:

— Ваш батюшка был бы рад услышать от вас такие слова.

Мне стало неловко — не за себя даже, а за настоящего Александра Орлова, которого я невольно начинал вытеснять из его собственной жизни.

— Раньше я был глупее, — сказал я. Это прозвучало достаточно правдоподобно.

Федор Кузьмич кивнул.

— Я подготовлю бумаги к утру.

Когда он ушел, я еще некоторое время сидел в кабинете покойного отца и смотрел на портрет. Павел Андреевич Орлов глядел на меня строго и устало. Наверное, этот человек умер с ощущением полного поражения. Оставил жену, сына, долги и дом, который вот-вот должны были распродать чужие люди.

— Не знаю, чего ты ждал от своего сына, — тихо сказал я портрету. — Но вместо него у тебя теперь я.

Признаться, это не звучало обнадеживающе.

Ночевать в моей комнате мне не хотелось. Она была слишком чужой и одновременно слишком личной. На столе лежали книги Александра, в ящике обнаружились перчатки, старый ножичек, несколько писем от какого-то Никиты, засушенный лист между страницами французского романа. Все эти вещи принадлежали юноше, которого я не знал. Возможно, он был жив еще несколько дней назад. Возможно, умер в тот самый момент, когда его лошадь понесла, а я ответил старику: «Да». Думать об этом было неприятно.

Я лег, но долго не мог заснуть. В темноте особенно остро накатывало понимание невозможности случившегося. Вчера — или три дня назад, если считать по этому миру, — я был

Андреем Сомовым, человеком без особых перспектив, но хотя бы с понятным прошлым. У меня была квартира, работа, паспорт, банковская карта, мать, которая звонила по вечерам. Теперь ничего этого не существовало. Или существовало где-то недосыгаемо далеко, за границей смерти.

Самым страшным оказалось не то, что я попал в чужой мир. Самым страшным было то, что назад, вероятно, некуда возвращаться. Андрей Сомов умер на мокром асфальте московского двора. Может быть, мать уже получила звонок из больницы. Может быть, Лене кто-то написал короткое неловкое сообщение. Может быть, коллеги завтра обсудят, кто возьмет мои проекты. Через месяц на мое место посадят другого начальника отдела закупок, а еще через год обо мне будут вспоминать только случайно. Эта мысль должна была причинить боль. Но боль почему-то была тупой и далекой. Возможно, я еще не успел по-настоящему поверить в собственную смерть.

Утро началось с того, что меня разбудил стук в дверь. На этот раз я отозвался сразу, стараясь звучать естественно. Вошла та самая девушка, которую я видел вчера. Ее звали Дуня. Она принесла воду для умывания, чистую рубашку и так почтительно спросила о самочувствии, что мне стало не по себе. Я не привык, чтобы мне прислуживали — тем более молодые девицы.

— Дуня, — сказал я, когда она поставила кувшин на стол, — давно ты здесь служишь?

Она удивилась вопросу, но ответила:

— Шестой год, барин. Меня взяли ухаживать за вашей сестрицей... а как она ушла на небеса, так барыня меня при себе оставила.

— А я раньше какой был? — спросил я прежде, чем успел остановиться.

Дуня растерялась.

— Вы?

— Ну да. До болезни. До падения.

Она улыбнулась посмотрела прямо в глаза:

— Добрый были. Только горячий.

— Горячий?

— И вспыльчивый. Простите, барин.

Я усмехнулся.

— Ничего. Мне полезно знать правду.

Похоже, прежний Александр был юношей не злым, но легкомысленным и раздражительным — может быть, избалованным, может быть, просто напуганным разорением рода и смертями близких. В любом случае мне предстояло изображать человека, которого все вокруг знали лучше меня самого.

После завтрака матушка — теперь мне приходилось мысленно называть ее именно так, — настояла, чтобы я не занимался делами и хотя бы немного прошелся по парку. Спорить с ней было трудно.

Парк оказался большим, запущенным и печальным. Старые липовые аллеи тянулись к заросшему пруду. В беседке обвалилась часть крыши. У каменной лестницы, ведущей к воде, не хватало нескольких ступеней. Но даже в запустении здесь чувствовалась прежняя красота. Если дом напоминал больного аристократа, который все еще держит спину прямо, то парк был его памятью: спутанной, заросшей, но полной следов былого великолепия.

Матушка шла рядом, опираясь на мою руку. Звали ее Софья Николаевна — накануне я исподтишка выведал это у Федора Кузьмича.

— Ты очень изменился после пробуждения, — сказала она неожиданно.

Я внутренне напрягся.

— В каком смысле?

— Смотришь иначе. Говоришь иначе. Как будто стал старше.

Я не нашелся с ответом.

Она остановилась у поворота аллеи и посмотрела на дом. Отсюда особенно хорошо было видно, как облупилась штукатурка на правом крыле и как пусты окна второго этажа, где, видимо, давно уже никто не жил.

— Может быть, это и к лучшему, — тихо произнесла Софья Николаевна. — Тебе придется сейчас взрослеть как можно быстрее.

— Я понимаю.

— Нет, Саша. Боюсь, ты еще не понимаешь. После смерти отца многие будут смотреть на нас как на добычу. Пока Павел Андреевич был жив, его, несмотря ни на что, уважали. И боялись даже. Теперь во главе рода остались я и ты. Восемнадцатилетний наследник без всякого опыта и вдова, которую считают слишком мягкой для ведения дел.

Она сказала это спокойно, но в голосе прозвучала такая усталость, что мне стало по-настоящему ее жаль. Эта женщина потеряла дочь, мужа, состояние... А теперь, пусть она этого не знает, исчез еще и сын, уступив место чужаку.

— Значит, придется сделать так, чтобы нас перестали считать добычей, — сказал я.

Софья Николаевна посмотрела на меня с удивлением. Потом в ее глазах мелькнуло что-то похожее на усталую надежду, и от этого стало еще тяжелее.

К обеду приехал местный лекарь — полный пожилой мужчина с аккуратными бакенбардами и запахом крепких травяных настоек. Он долго осматривал меня, задавал вопросы, светил в глаза маленьким кристаллом, который почему-то слабо мерцал изнутри, и наконец объявил, что опасность миновала, но мне следует избегать волнений. Совет был разумным и совершенно бесполезным.

Вслед за лекарем по мою душу пришел Федор Кузьмич с подготовленными бумагами. Матушка нахмурилась, но я попросил оставить нас ненадолго. Она хотела возразить, однако сдержалась — видимо, новый серьезный тон сына действовал не только на управляющего.

Мы расположились в малой гостиной, где было теплее, чем в кабинете. Федор Кузьмич разложил документы на столике. На этот раз я слушал уже не просто как человек, попавший в беду, а как человек, которому необходимо найти выход. И чем больше он говорил, тем яснее я видел: поместье умирало не от одной большой раны, а от множества мелких кровотечений. Здесь недособрали оброк, там не взыскали старый долг. В другом месте продали лес по заниженной цене, потому что нужны были живые деньги. Мельница простаивала из-за спора, который никто не мог или не хотел довести до конца. Слуги оставались в доме из верности, но жалованье им задерживали. Лошади проедали больше, чем приносили дохода.

— Конюшню придется сократить, — сказал я.

Федор Кузьмич вздохнул.

— Софья Николаевна будет против.

— Я тоже был бы против на ее месте. Но если мы не продадим часть лошадей сами, через месяц их продадут за нас и дешевле.

Он кивнул.

— Мельница?

— Спор с артелью можно решить только через губернскую палату.

— Сколько потребуется времени?

— Если без покровительства, полгода. Может быть, больше.

— Значит, надо искать покровительство.

Федор Кузьмич посмотрел на меня с осторожностью.

— Князь Вяземский может предложить его. Но не бескорыстно.

— Он же главный кредитор?

— Да.

— Тогда своим покровительством он возьмет на за горло.

Управляющий впервые за весь разговор позволил себе почти улыбнуться.

— Примерно так, Александр Павлович.

К концу второго часа у меня болела голова, но появилась первая, пока еще очень грубая схема действий: продать часть конюшни до описи, найти покупателя на старый экипажный сарай и ненужный участок у северной дороги, изучить данные о выплатах арендаторов — понять, кто способен заплатить аренду раньше срока в обмен на некоторые уступки, отправить письмо одному из дальних родственников матери, выяснить, можно ли оспорить проценты по займу Вяземского, поднять все бумаги по мельнице. Это не спасало род. Пока нет. Но, возможно, позволяло выиграть некоторое время. А время в любой катастрофе — первая валюта.

После разговора я вышел из малой гостиной с ощущением, что все же стою не просто на краю бездны, а на краю бездны рядом с очень плохим, шатким мостом. Он готов обрушиться в любой момент, но по нему все же можно попробовать передвигаться.

В холле вместе со мной оказались сразу несколько человек: уже знакомая мне горничная Дуня, старый лакей с седыми висками, матушка, спустившаяся вниз из своей спальни и Федор Кузьмич, вышедший следом за мной. Кажется, слуги и барыня обсуждали мое чудесное выздоровление, потому что при моем появлении все сразу замолчали. Я хотел сказать что-нибудь простое, успокаивающее, но вдруг заметил странность.

Сначала мне показалось, что это игра света. От высокого окна падал косой солнечный луч, в воздухе плавала пыль, и тонкие золотистые нити будто протянулись от одного человека к другому. Но я моргнул — и видение не исчезло.

Над каждым человеком сияли линии. Не яркие, не слепящие, почти прозрачные, словно паутинки, поймавшие утреннее солнце. Они тянулись от плеч, от груди, иногда от головы, уходили в стороны, переплетались, дрожали, обрывались в воздухе и снова возникали. Над Дуней линии были мягкими, бледно-зелеными, и одна из них тонко светилась в сторону черной лестницы, к помещениям прислуги. Над Федором Кузьмичом пучок оказался плотнее и строже, будто натянутые струны: часть линий уходила к бумагам в его руках, часть — к матушке, часть — куда-то за стены дома. Над Софьей Николаевной сияние было слабым, но глубоким, серебристым, и несколько нитей тянулись ко мне — или не ко мне, а к Александру.

Я остановился. Сердце ударило так сильно, что стало трудно дышать.

— Саша? — спросила матушка. — Тебе дурно?

Я попытался ответить, но слова застряли в горле. Линии дрогнули. Серебристая нить над Софьей Николаевной вспыхнула ярче, когда она сделала шаг ко мне. Зеленая ниточка над Дуней дернулась, словно испуганная. У Федора Кузьмича одна из темных, почти медных линий натянулась и потянулась в мою сторону.

Я медленно поднял руку к глазам. Может быть, последствия удара? Может быть, горячка? Может быть, я схожу с ума, и все это — запоздалый бред умирающего мозга Андрея Сомова? Но линии оставались. Они висели над людьми, тонкие, живые, светящиеся, и я каким-то невозможным образом чувствовал: это не просто свет. Это связи, намерения, долги, привязанности, страхи. Я еще не понимал, откуда пришло это знание, но оно было таким же очевидным, как тепло огня или холод воды.

Матушка уже стояла рядом и держала меня за руку. Ее пальцы были холодными. Серебристые линии над ней дрожали от тревоги.

— Все хорошо, — сказал я наконец, хотя голос прозвучал неубедительно. — Просто голова закружилась.

Федор Кузьмич предложил позвать врача. Я отказался, сославшись на простую усталость. Несколько минут спустя мне удалось уйти в свою комнату без лишней паники, хотя каждый шаг давался с трудом — не из-за слабости, а из-за того, что теперь я видел слишком много.

В комнате я запер дверь и подошел к зеркалу. В отражении был все тот же восемнадцатилетний Александр Орлов: бледный, худой, с серыми глазами и слишком взрослым выражением лица. Над моей собственной головой линий не было.

Я долго смотрел на отражение, потом медленно опустился на стул. Старик в сером пространстве сказал: «Попробуй еще раз». Теперь я начинал подозревать, что второй шанс оказался не просто новой жизнью. И что спасти мне придется куда больше, чем полуразрушенное поместье разорившегося рода.

Глава 2. Пламя рода

На следующее утро, спустившись вниз, я впервые увидел своих ближайших родственников, а также друзей рода, которых матушка, видимо, сочла нужным пригласить на завтрак по случаю моего выздоровления.

За длинным столом, рассчитанным, судя по числу пустующих стульев, человек на двадцать, сейчас сидели семеро, если считать меня. Софья Николаевна заняла место у самовара. Справа от нее устроилась сухая старуха в темном платье, с тонкой шеей, прозрачными руками и таким выражением лица, будто мир глубоко разочаровал ее еще лет сорок назад, а теперь лишь подтверждал первое впечатление. Это была Аграфена Львовна – тетка покойного Павла Андреевича, которую здесь, кажется, все немного побаивались. Рядом с ней сидел грузный мужчина лет пятидесяти пяти с рыхлым лицом и красными веками — Николай Степанович Орлов, мой двоюродный дядюшка – из тех людей, кто сам уже давно ничего не имеет, но по привычке продолжает рассуждать о достоинстве рода.

«Друзей рода» было двое: широкоплечий мужчина с коротко стриженными седеющими волосами и обветренным лицом и его прелестная юная дочь. Мужчиной оказался Михаил Иванович Ларин, бывший сослуживец и, по словам матушки, один из немногих настоящих друзей моего покойного отца. Небогатый помещик из соседнего уезда, с небольшим имением и твердой репутацией человека, которому можно доверять. А что касается девушки, то я понял, кто она, еще до того, как Софья Николаевна назвала ее имя.

Варвара.

Моя невеста.

Точнее, не моя, конечно. Невеста Александра Павловича Орлова, юноши восемнадцати лет, в чьем теле я теперь жил и чьей жизнью был вынужден распоряжаться. Девушке было, должно быть, семнадцать или восемнадцать. Светло-русые волосы, тонкая шея, большие серые глаза, в которых беспокойство и радость смешались так искренне, что мне стало неловко еще до того, как она со мной заговорила. Когда я вышел к столу, и она увидела меня, на мгновение мне показалось, что она сейчас бросится через всю комнату. Но воспитание удержало Варвару на месте. Она только побледнела, потом вспыхнула и сказала тихо:

— Саша.

В этом одном слове было столько ожидания, что я внутренне отступил.

Я не знал эту девушку. Не помнил ее рук, голоса, характера, привычек, тех разговоров, которые, вероятно, у нее были с Александром до моего появления. Но она смотрела на меня так, будто между нами уже давно существовало нечто важное, почти решенное. И именно поэтому мне стало особенно тяжело. Легко было бы отнестись к ней как к еще одной части чужой биографии, как к долгу, титулу, поместью, родовым портретам и счетам в кабинете. Но передо мной был живой человек. Девушка, которая ничего не знала ни о смерти Андрея Сомова, ни о странном старике, ни о том, что ее жених, возможно, исчез навсегда.

— Варя, — сказал я осторожно, надеясь, что имя прозвучит естественно.

Ее лицо сразу просветлело. И в тот же миг над ней дрогнули тонкие светящиеся линии. Я едва удержался, чтобы не выдать себя.

После вчерашнего я надеялся, что странное зрение исчезнет. Сон, обморок, последствия травмы — какое угодно объяснение меня бы устроило. Но линии никуда не делись. Над каждым человеком в столовой они сияли по-своему: над Софьей Николаевной — серебристые и усталые, несколько нитей тянулись ко мне, несколько уходили куда-то вверх, будто к невидимым мертвым; над Аграфеной Львовной — тонкие, почти черные, сплетенные в тугой узел, с редкими багровыми искрами раздражения; над Николаем Степановичем — мутно-желтые, дряблые, похожие на старые веревки, часть которых тянулась к графину с наливкой на буфете,

а часть — к моей матушке, но не прямо, а как-то криво, с неприятной липкостью. У Варвары линии были совсем другими: светлыми, живыми, с розоватым отблеском. Одна тонкая нить тянулась ко мне и дрожала от каждого моего движения.

Мне захотелось отвернуться.

— Лекарь позволил тебе спускаться? — спросила Аграфена Львовна вместо приветствия. Голос у нее был сухой, как старый пергамент.

— Позволил, если не перенапрягаться и быть осторожным, — аккуратно ответил я. Черт знает, как надлежит общаться с престарелыми аристократическими родственницами.

— Осторожность никогда не была сильной стороной Орловых. Особенно молодых.

Николай Степанович негромко хмыкнул, словно услышал очень тонкую шутку. Софья Николаевна бросила на него короткий взгляд, и он тут же занялся чашкой. Варвара продолжала смотреть на меня. От этого взгляда хотелось сесть к ней ближе и одновременно уйти как можно дальше.

Завтрак оказался испытанием не хуже вчерашнего разговора с управляющим. Мне приходилось есть незнакомые блюда, отвечать на вопросы, не путаться в именах и, главное, наблюдать. С каждым часом я все яснее понимал, что попал не просто в разоряющееся дворянское поместье. Я попал в дом, где все уже мысленно простились с будущим, но по разным причинам продолжали изображать привычную жизнь.

Аграфена Львовна считала гибель рода почти заслуженной. Это было видно не только по ее словам, но и по линиям над головой: когда речь заходила о долгах Орловых, они натягивались и темнели, однако в глубине этого темного узла вспыхивало что-то похожее на холодное удовлетворение. Она страдала от унижения Орловых, но в то же время будто давно ждала подтверждения собственной правоты. Николай Степанович, напротив, боялся. Его желтые нити подрагивали всякий раз, когда упоминались кредиторы, но страх этот был не за род Орловых, а за себя: за комнату в доме, за стол, за привычку жить на чужом краю чужого достатка. Он говорил о чести и фамильном достоинстве, однако линии выдавали в нем человека, который при первом удобном случае начнет искать, к кому бы пристроиться дальше.

Варвара и ее отец почти не участвовали в разговоре. Михаил Иванович держался просто, без дворянской спеси, которую здесь, кажется, все так или иначе демонстрировали, — сидел основательно, как человек, привыкший занимать ровно столько места, сколько ему нужно, и не беспокоиться об остальном. Он произнес лишь несколько дежурных фраз по поводу моего чудесного выздоровления и устался в свою тарелку.

Девушка тоже сидела тихо, опутив глаза, но я чувствовал ее внимание. Оно касалось меня не хуже прикосновения. И чем больше я наблюдал за ней, тем сильнее становилось чувство вины.

После завтрака Варвара сама подошла ко мне.

Я стоял у окна и смотрел на запущенный двор. Внизу двое работников грузили на телегу какие-то доски, вероятно, снятые с разобранной хозяйственной постройки. Дворянское поместье распродавало себя не только через конторские бумаги. Оно умирало физически: по выдранной из пола доске, по проданной картине, по серебряным ложкам, исчезнувшим из буфета.

— Ты избегаешь меня, — сказала девушка.

Я обернулся.

Она стояла в нескольких шагах, очень прямая, бледная, с упрямо сжатыми губами. Вблизи она казалась еще моложе. Не ребенком, конечно, но совсем юной. В моем мире ей, наверное, только предстояло бы окончить школу, поступить в институт, надеть первых грустостей, влюбиться, разочароваться, снова влюбиться. Здесь же ее уже собирались выдать замуж за наследника разоренного рода, и она, кажется, не считала это несчастьем.

— Я не избегаю, — сказал я. — Просто многое изменилось.

— После падения?

— И после него тоже.

Она подошла ближе. Розоватая нить между нами вспыхнула ярче. Я невольно сделал полшага назад и тут же пожалел об этом: Варвара заметила.

— Ты раньше не отступал, когда я подходила.

Господи.

Я почувствовал себя мерзавцем, хотя ничего еще не сделал. Или именно потому, что ничего не сделал, а она уже страдала.

— Варя, я многое плохо помню.

Это была удобная ложь. Почти правда, но все-таки ложь.

— Меня тоже плохо помнишь?

Вопрос прозвучал тихо.

Я не мог ответить честно. Сказать «да» означало ранить ее. Сказать «нет» — запутаться еще сильнее.

— Я помню, что ты мне дорога, — произнес я наконец.

Это была самая безопасная формулировка из возможных. И, возможно, самая жестокая, потому что Варвара услышала в ней то, что хотела услышать. Ее лицо смягчилось, она шагнула ко мне и взяла за руку. Пальцы у нее были теплые.

— Я так испугалась, — сказала она. — Когда тебя принесли, я думала... Мне не позволили сидеть у тебя, матушка сказала, что это неприлично, но я все равно приезжала к тебе. Каждый день.

Нить между нами дрожала. В ней были страх, нежность, надежда и еще что-то более плотное, горячее, от чего мне стало совсем не по себе. Девушка любила Александра. Или думала, что любит. А я был взрослым мужчиной в теле юноши, который не имел права пользоваться ни ее доверием, ни ее растерянностью, ни тем, что весь этот мир считал нас женихом и невестой.

Она подняла глаза.

— Ты поцелуешь меня?

Вопрос был произнесен почти шепотом, но именно поэтому прозвучал особенно отчетливо.

Я мог бы. Тело Александра отозвалось раньше, чем разум успел выстроить запрет. Молодая кровь, близость красивой девушки, тепло ее пальцев, этот дрожащий розовый свет между нами — все это действовало слишком сильно. Но за этим первым, почти инстинктивным откликом сразу поднялось другое: память о моих тридцати семи годах, о Лене, о собственной смерти, о том, что Варвара видит перед собой не меня, а человека, которого я заменил.

Я осторожно высвободил руку.

— Не сейчас.

Она побледнела.

— Я тебе противна?

— Нет. Ни в коем случае.

— Тогда почему?

Потому что я не тот, кого ты любишь. Потому что я не знаю, жив ли он хоть где-нибудь внутри меня. Потому что вся эта ситуация чудовищна. Потому что я и сам пока не понимаю, кто я.

— Потому что я после болезни сам себе не верю, — сказал я. — И не хочу причинить тебе боль.

Варвара смотрела на меня с недоверием. Но затем, видимо, решила принять объяснение. Или сделала вид, что приняла.

— Ты стал странный, Саша.

— Знаю.

— Раньше ты был... — она запнулась, подбирая слово, — проще.

Я невольно усмехнулся.

— Не уверен, что это похвала.

— Это не упрек. Просто раньше я понимала, чего ты хочешь.

Теперь она не понимала. И я тоже.

Когда Варвара ушла, я еще долго стоял у окна, пытаюсь успокоиться. Линия между нами не исчезла сразу. Она тянулась вслед за девушкой по коридору, бледнела, проходила сквозь стены и наконец растворилась где-то в глубине дома. Я смотрел на это и вдруг понял, что могу различать не только наличие связи, но и ее характер. Привязанность Варвары была теплой, живой, стремящейся ко мне. Тревога Софьи Николаевны серебрилась, как иней. Расчетливость Николая Степановича имела мутный желтый цвет, неприятный и рыхлый. У Аграфены Львовны линии были похожи на старую проволоку.

Значит, это можно было изучать.

Не просто видеть и пугаться, а изучать.

До полудня я заперся в кабинете Павла Андреевича и принялся проверять себя. Сначала вышло грубо. Я вызывал Дуню под разными предлогами, просил принести воду, потом свечи, потом найти Федора Кузьмича, и наблюдал, как меняются линии над ней. Когда я говорил спокойно, зеленоватое сияние оставалось ровным. Когда задавал неожиданный вопрос, одна нить резко натягивалась в сторону двери, будто девушка хотела сбежать. Когда я поблагодарил ее небрежно, как, вероятно, делал прежний Александр, линии почти не изменились. Когда же посмотрел прямо и сказал: «Спасибо, Дуня, вы очень помогли», — она вспыхнула до ушей, а мягкая светлая ниточка на мгновение потянулась ко мне.

Я почувствовал себя исследователем и мошенником одновременно.

Потом пришел Федор Кузьмич. С ним было сложнее. Его линии были плотными, деловыми, сдержанными. Они не вспыхивали от каждого слова, как у Дуни, и не дрожали открыто, как у Варвары. Но когда я попросил его показать полный список долгов, не тот, что можно было дать матушке, а настоящий, с просроченными процентами, закладными и частными расписками, одна из медных нитей резко потемнела.

— Есть еще что-то? — спросил я.

Управляющий помолчал.

— Есть долг покойного Павла Андреевича перед господином Коротневым. Частный. Без внесения в общую опись.

— Почему вы не сказали вчера?

— Потому что надеялся уладить его отдельно. Павел Андреевич надеялся...

Медная нить дрогнула. Не ложь. Скорее страх и стыд.

— Сумма?

Он назвал.

Я медленно выдохнул.

Чудовищно.

Не сама по себе сумма — после вчерашних цифр меня трудно было удивить одной строкой. Чудовищно было то, что этот долг менял всю картину. Он не проходил через контору Вяземского, но срок по нему наступал раньше. Если Коротнев предъявит расписку, даже наша жалкая попытка собрать первый платеж Вяземским может рухнуть.

— Кто он?

— Купец. Но не из простых. В губернии с ним считаются. Он скупает земли у обедневших родов и умеет ждать, пока цена упадет.

— Стервятник.

— Деловой человек, — осторожно поправил Федор Кузьмич.

Я усмехнулся.

— В моей прошлой... — я вовремя остановился, — впрочем, неважно. У нас таких тоже хватало.

Управляющий сделал вид, что не заметил странности.

К обеду стало ясно: долги не просто велики. Они образуют петлю. Стоит потянуть за одну расписку — затягиваются остальные. Доходов почти нет. То, что еще могло приносить деньги, либо заложено, либо спорно, либо требует вложений. Дом живет по инерции. Поместье Орловых не просто переживает трудности. Оно доживает последние недели, и все вокруг это понимают.

Во второй половине дня Софья Николаевна повела меня в старую часовню.

— Тебе после болезни нужно увидеть родовое пламя, — сказала она.

Слова прозвучали так, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. Я уже успел понять, что этот мир не был точной копией прошлого. Здесь существовали титулы, поместья, кредиторы, самовары и письма с печатями, но рядом с ними уживались мерцающие кристаллы лекарей, разговоры о силе крови, странные намеки на родовую честь, которая, кажется, означала не только репутацию.

Часовня находилась в боковом крыле дома. Ее двери давно не красили, но медные ручки были начищены. Внутри пахло воском и холодным камнем. Узкие окна пропускали мало света. На стенах висели иконы и портреты предков, причем я не сразу понял, где заканчивается одно и начинается другое. Лица Орловых на старых изображениях были строгими, темноглазыми, с одинаковой линией бровей. Некоторые держали в руках мечи, другие — книги, третьи — странные символы, похожие на языки огня.

В центре часовни стояла невысокая каменная чаша.

В чаше горело пламя.

Вернее, должно было гореть.

Сейчас над темным камнем едва теплился маленький синеватый огонек, такой слабый, что его мог бы задуть случайный сквозняк. Но сквозняк, кажется, не имел над ним власти. Пламя не колебалось от движения воздуха. Оно просто существовало — крошечное, прозрачное, упрямое.

Софья Николаевна остановилась рядом со мной.

— Когда я впервые приехала сюда невестой, огонь поднимался почти до края чаши. В праздники он становился золотым. Павел говорил, что при его деде пламя было таким сильным, что освещало всю часовню.

— Что это?

Она удивилась.

Я поспешно добавил:

— Я помню, что это пламя рода. Но после болезни... многое воспринимается иначе.

Софья Николаевна кивнула. Ей хотелось верить любому объяснению, лишь бы не думать о моих странностях.

— Пламя — знак живой силы рода. Пока оно горит, род не угас. В нем есть воля, память, благословение крови. У сильных домов пламя видно издали для тех, кто обладает зрением. У великих родов оно горит веками.

— А если гаснет?

Она долго молчала.

— Тогда род становится пустой фамилией.

Я смотрел на слабый синий огонек и почему-то чувствовал не суеверный страх, а почти физическую жалость. Он был похож на человека, у которого нет сил жить и нет сил умереть.

— Оно начало слабеть при отце?

— Раньше, — ответила Софья Николаевна. — Еще при твоём деде. Павел так надеялся, что в тебе проснется сила Орловых. Но пламя угасает.

— Некоторые считают, что это неспроста?

Она резко посмотрела на меня.

Значит, я попал.

— Кто тебе сказал?

— Никто. Я просто... чувствую.

На этот раз это было даже не ложью.

Софья Николаевна отвернулась к чаше.

— Аграфена Львовна уверена, что род наказан за гордыню. Николай Степанович шепчет, будто Павел связался не с теми людьми. В губернии любят говорить, что пламя не гаснет от долгов. Долги — следствие. Причина глубже.

— И вы тоже так думаете, матушка?

Она не ответила сразу.

— Я думаю, что в этом доме слишком много несчастий.

Нити над ней дрогнули. Серебристые, усталые, они потянулись к огню, ко мне и куда-то в сторону старых портретов. Впервые я заметил еще одну особенность: некоторые линии связывали людей не только с живыми, но и с местами, предметами, воспоминаниями. Одна такая нить у Софьи Николаевны уходила к портрету девочки лет двенадцати. Елизавета. Ее умершая дочь, моя сестра.

Я сделал шаг ближе к чаше.

Пламя рода было почти невидимым обычному взгляду, но мое новое зрение видело вокруг него целый клубок нитей. Они не светились ярко, как человеческие связи. Скорее тлели, переплетаясь в глубине чаши. Некоторые уходили к портретам предков, некоторые — к дому, к земле под ним, к Софье Николаевне, ко мне. И среди них я вдруг заметил несколько темных прожилок, тонких, как трещины в стекле. Они не просто тянулись от огня. Они будто высасывали из него свет.

— Саша? — тихо спросила матушка.

Я моргнул. Темные прожилки исчезли. Остался только слабый синий огонек.

— Ничего, — сказал я. — Просто смотрю.

Но внутри уже поднималось холодное понимание.

Пламя Орловых не просто угасало.

Его кто-то или что-то тянуло вниз.

Вечером семья снова собралась в малой гостиной. Аграфена Львовна вязала, Николай Степанович пил чай с таким видом, словно оказывает дому честь своим присутствием, Софья Николаевна старалась поддерживать разговор. Я наблюдал за нитями, пытаюсь найти логику в их поведении.

Линии менялись от слов, взглядов, намерений. Если человек говорил одно, а чувствовал другое, цвет выдавал разницу. Не всегда ясно, не как подпись под документом, но достаточно, чтобы насторожиться. Когда Николай Степанович рассуждал о необходимости беречь фамильное серебро, его желтые нити скользнули к буфету, и я понял, что он уже прикидывает его стоимость. Когда Софья Николаевна говорила о покойном муже, серебристое сияние над ней становилось почти прозрачным, как будто вместе со словами из нее уходили силы.

И тут я вспомнил свою прежнюю жизнь.

Не всю, конечно, а отдельные моменты, которые раньше считал интуицией. Как в переговорке я иногда заранее понимал, кто уступит первым. Как чувствовал, где подрядчик блефует, хотя документов еще не хватало. Как однажды сорвал сделку с поставщиком, просто потому что в какой-то момент увидел — нет, не увидел, а ощутил — неправильность в его улыбке. Тогда мне казалось, что я хорошо читаю людей. Опыт, профессиональная деформация, внимательность к деталям. Но что, если это были зачатки того же самого зрения? Не светящиеся

линии, нет. В прежнем мире они не проявлялись так явно. Но, возможно, я уже тогда чувствовал связи, намерения, слабые места чужих решений. Просто называл это деловой хваткой.

Старик спросил, стал бы я снова спасать обреченное.

Он знал.

Или хотя бы догадывался, что именно во мне должно ныне развернуться в настоящую силу.

Поздно вечером я вернулся в кабинет и снова открыл долговые ведомости. Бумаги лежали передо мной тяжелой, почти физической массой. Суммы, сроки, проценты, имена кредиторов. Вяземский. Коротнев. Губернская кредитная контора. Мелкие частные расписки. Просроченное жалованье. Обязательства по поставкам зерна. Долг лекарю. Долг свечнику. Даже долг портному, который шил траурное платье Софье Николаевне.

Чудовищно.

И все же теперь я смотрел на эти бумаги иначе. Долг — тоже связь. Обязательство — тоже нить. В моем прежнем мире договоры связывали компании, людей, интересы, страхи и надежды не хуже этих нитей. Здесь связи проявлялись почти буквально. И если я научусь видеть их достаточно ясно, может быть, смогу найти ту, за которую надо дернуть.

За окном темнел парк. Дом скрипел, остывая после дня. Где-то далеко хлопнула дверь. В коридоре прошли тихие шаги.

Поместье Орловых доживало последние недели. Все в доме знали это. Одни смирились, другие злились, третьи искали, что урвать перед концом. Даже пламя рода едва держалось в своей каменной чаше, как уголь под слоем золы.

Я взял чистый лист и написал сверху: «Месяц».

Потом провел черту и начал составлять список.

Первое: выяснить, кто и почему тянет силу из родового пламени.

Второе: понять, что на самом деле нужно главным кредиторам.

Третье: защитить Софью Николаевну.

Четвертое: не лгать Варваре больше, чем необходимо.

Пятое: выжить.

Я посмотрел на этот список и усмехнулся. Для человека, который еще недавно считал главным несчастьем застывшую карьеру, программа выглядела насыщенной и оригинальной.

Над чернилами на листе вдруг дрогнула тонкая светлая линия. На мгновение мне показалось, что она тянется от моей руки куда-то в темноту дома, к слабому синему огню в старой часовне. Потом линия исчезла.

Я отложил перо.

Похоже, мой второй шанс начинался не с надежды.

Он начинался с семейных долгов.

Глава 3. Дуэль

К концу первой недели в новом мире я окончательно убедился в двух вещах: поместье Орловых действительно находилось на грани гибели, а его обитатели настолько привыкли к этому состоянию, что перестали воспринимать происходящее как катастрофу.

Человек вообще удивительно быстро привыкает к беде. Сначала борется, потом надеется, потом приспосабливается — и в конце концов начинает считать ненормальное нормой. Именно это я наблюдал вокруг себя. Слуги обсуждали будущую распродажу имущества так же спокойно, как погоду. Федор Кузьмич продолжал вести хозяйственные книги с педантичностью капитана тонущего корабля, который все равно требует соблюдения расписания. Даже Софья Николаевна, несмотря на показное спокойствие, уже давно внутренне готовилась к тому, что ей придется покинуть родовой дом.

Только я пока еще не успел привыкнуть. Возможно, именно поэтому замечал вещи, которые остальные уже не видели. Например, глубоко таящееся отчаяние. Оно было здесь повсюду — в разговорах, во взглядах, в нитях.

Теперь я видел нити постоянно. Первое время эта способность утомляла: светящиеся линии мешали сосредоточиться, расплывались перед глазами, отвлекали. Но постепенно мозг научился отделять их от обычного зрения — примерно так же, как человек перестает замечать собственный нос.

Я начал различать закономерности. Чем сильнее эмоция, тем ярче нить. Чем важнее связь между людьми, тем плотнее она выглядит. Ложь не меняла цвет напрямую, но почти всегда вызывала характерное дрожание. Страх затемнял оттенки, надежда делала их ярче. Иногда линии уходили не к людям, а к предметам, местам или событиям.

Однажды я увидел, как над Федором Кузьмичом вспыхнула серебристо-медная нить, ведущая к старому заброшенному амбару на заднем дворе. Позже выяснилось, что именно туда он тайно свез часть запасов зерна, которые рассчитывал утаить при банкротстве. В другой раз заметил темную связь между Николаем Степановичем и шкапулкой в его комнате — родственник действительно собирал по дому вещицы, которые рассчитывал вывезти до начала описи.

Способность пока не давала мне готовых ответов, не предоставляла фактов — она показывала лишь некое общее направление. Но это направление зачастую дорогого стоило. В моей прошлой жизни именно так работала хорошая управленческая интуиция: ты не знаешь всех деталей, не имеешь полной картины — но почему-то понимаешь, куда смотреть. Теперь эта интуиция словно обрела материальную форму...

В тот день я впервые покинул пределы поместья. Федор Кузьмич настоял — не потому, что мне требовалась прогулка, а потому, что наследник рода не мог бесконечно прятаться дома.

— Люди должны видеть вас, Александр Павлович, — сказал он.

— Чтобы убедиться, что я еще жив?

— В том числе.

Мы ехали в соседний городок, где находилась нотариальная контора и несколько торговых домов. Формально целью поездки были хозяйственные дела. Фактически — демонстрация того, что Орловы пока не исчезли.

Весенний день выдался прохладным. Дорога петляла между полями и редкими рощами. Я сидел в экипаже напротив Федора Кузьмича и изучал бумаги. Чем больше узнавал местную экономику, тем сильнее подозревал, что многие проблемы Орловых возникли вовсе не случайно. Слишком много совпадений, слишком много невыгодных сделок, слишком много людей, получивших прибыль от нашего падения. Впрочем, доказательств пока не было. Только смутное ощущение, а ощущения в финансовых вопросах редко принимают в суде.

Городок встретил нас грязными улицами и низкими каменными домами. По местным меркам он считался достаточно крупным, по меркам моего прошлого мира больше напоминал поселок. Но жизнь здесь кипела. Лавки, рынок, трактиры, экипажи, очень много людей — и очень много нитей. Иногда мне казалось, что над городом висит огромная паутина из человеческих желаний, страхов, долгов и надежд. Каждый был связан с каждым. Только большинство этого не замечало.

Мы успели посетить нотариуса и переговорить с двумя арендаторами, когда Федор Кузьмич предложил сделать перерыв.

— Пообедаем?

Есть действительно хотелось. Мы остановились возле трактира под названием «Золотой олень» — заведение выглядело прилично, во всяком случае по местным стандартам.

Именно там все и началось.

Когда мы вошли в общий зал, разговоры стихли. Ненадолго, но достаточно, чтобы я это заметил. Нити присутствующих дрогнули одновременно: любопытство, насмешка, жалость, злорадство. Последнее встречалось чаще остальных. Новость о скорой гибели рода Орловых явно пользовалась популярностью.

Мы заняли стол у окна. Я успел сделать заказ и почти забыл о происходящем, когда услышал громкий голос.

— Какая неожиданная встреча.

Федор Кузьмич едва заметно напрягся. Я поднял глаза.

К нашему столу направлялся молодой человек лет двадцати двух — высокий, красивый, отлично одетый, слишком уверенный в себе. Таких людей я знал еще в прошлой жизни: они входят в любое помещение так, будто владеют им. За его спиной держались еще двое молодых дворян — судя по поведению, свита или друзья, что в данном случае почти одно и то же. Нити над головой незнакомца сияли ярко-красным и золотистым: самоуверенность, азарт, презрение — все одновременно.

— Александр Павлович, — негромко сказал Федор Кузьмич.

— Да?

— Это Сергей Николаевич Вяземский.

Вот и родственники главного кредитора. Очень вовремя.

Сергей остановился возле стола и улыбнулся — настолько дружелюбно, что сразу захотелось проверить наличие ножа между ребрами.

— Рад видеть вас на ногах, Орлов.

— Благодарю.

— Говорили, падение оказалось серьезным.

— Видимо, не настолько.

Он рассмеялся. Его друзья тоже. Нити над ними вспыхнули одинаковыми оттенками. Они пришли сюда не поговорить — они пришли развлечься.

— Ваше здоровье — прекрасная новость для всей губернии.

— Неужели?

— Конечно. Будет кому присутствовать на распродаже собственного имущества.

За соседними столами кто-то нервно кашлянул, кто-то отвел взгляд. Трактир внезапно стал очень тихим. Я почувствовал, как напрягся Федор Кузьмич, — и в тот же момент понял, что Сергей специально выбрал момент, специально говорил громко, специально устроил представление. Он хотел унижить Орловых публично. Не меня лично. Именно род.

Я медленно поставил чашку на стол.

— Не думал, что Вяземские настолько интересуются чужими финансовыми делами.

— Когда долги принадлежат нашей семье, они перестают быть чужими.

Несколько человек негромко рассмеялись. Его друзья — громче остальных.

Я внимательно посмотрел на нити. Они были интересными. За уверенностью скрывалось нечто еще: азарт, желание произвести впечатление, потребность доказать свое превосходство — именно потребность, почти зависимость. В прошлой жизни такие люди часто совершали ошибки. Им было важнее победить красиво, чем просто победить.

Я уже собирался ответить, когда Сергей продолжил:

— Хотя, возможно, мне не стоило поднимать эту тему. Для вас она болезненна.

Теперь смеялись уже открыто, не скрываясь. Я почувствовал, как внутри начинает подниматься злость — не только моя. Словно вместе с памятью тела во мне шевельнулось что-то от самого Александра: обида, старое унижение, привычка проигрывать. Судя по реакции окружающих, подобные сцены происходили не впервые. Именно это разозлило меня сильнее всего. Они привыкли. Все присутствующие привыкли видеть Орловых проигравшими.

— Сергей Николаевич, — произнес я спокойно, — скажите, вы всегда ведете себя как трактирный задира или только в хорошие дни?

Тишина стала абсолютной. Даже Федор Кузьмич замер. Вяземский моргнул — кажется, разговор пошел не по заранее подготовленному сценарию.

— Простите?

— Мне просто интересно. Если человек хочет поговорить о делах, он говорит о делах. Если хочет оскорбить собеседника, делает это прямо. А вы пока производите впечатление человека, который никак не может определиться.

Его друзья переглянулись. Красные нити над головой Сергея вспыхнули ярче. Я попал. Он привык нападать, но не привык получать отпор.

— Вы забываетесь.

— Возможно.

— Или последствия падения оказались серьезнее, чем говорят.

— А возможно, последствия падения оказались полезнее, чем кажется.

В этот момент нити вокруг Сергея дрогнули и разделились — на мгновение перед глазами словно возникли несколько полупрозрачных вариантов дальнейших событий. В одном он смеялся и уходил, в другом продолжал обмен колкостями. В третьем — дуэль. Картина длилась меньше секунды. Но я успел ее заметить. И почему-то был уверен, что это не воображение.

Сергей шагнул вперед. Красно-золотые нити вспыхнули. Вызов последовал почти сразу — я это понял за мгновение до того, как он раскрыл рот. Вопрос был только в том, приму ли я его.

Именно в этот момент я впервые по-настоящему испугался. Потому что Александр Орлов, возможно, умел обращаться с оружием. Андрей Сомов — нет. Совсем нет. И если через несколько минут меня вызовут на дуэль, эта проблема внезапно станет очень серьезной.

Сергей Вяземский действительно вызвал меня на дуэль.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что это было неизбежно. В подобных ситуациях люди вроде него становятся заложниками собственной репутации. Он слишком долго играл роль сильного, успешного и безнаказанного наследника влиятельного рода. Стоило мне публично поставить под сомнение эту роль, как у него осталось не так много вариантов поведения: либо проглотить оскорбление, либо ответить. Такие люди почти всегда выбирают второй путь.

Все произошло быстро. Вяземский потребовал извинений. Я отказался. Он назвал мои слова оскорблением чести своего рода. Я заметил, что честь рода, который развлекается унижением слабых, выглядит довольно хрупкой конструкцией. После этого формальности стали уже не нужны.

Мы покинули трактир врагами. К вечеру о предстоящей дуэли знала половина города, на следующий день — вероятно, вся губерния.

Когда экипаж Орловых вернулся в поместье, нас уже ждали. Матушка встретила меня в холле. Она ничего не спросила сразу — просто посмотрела, потом перевела взгляд на Федора Кузьмича. И все поняла.

Я никогда не видел, чтобы человек так стремительно бледнел.

— Это правда?

— Правда, — ответил я.

Она закрыла глаза. На мгновение мне показалось, что сейчас она потеряет сознание. Но Софья Николаевна оказалась сильнее — намного сильнее, чем выглядела.

— Через сколько?

— Через два дня.

— Боже мой...

В этот момент я впервые увидел, насколько велик страх этой женщины потерять последнего ребенка. Серебристые линии над ее головой вспыхнули так ярко, что мне пришлось отвернуться.

Семейный совет состоялся вечером. В библиотеке собрались все: матушка, Аграфена Львовна, Николай Степанович, Федор Кузьмич, даже приехавший по этому случаю Михаил Иванович Ларин — отец моей невесты, которой формально родственником пока не числился.

Разумеется, все были уверены, что я проиграю. Никто не говорил этого прямо — но иногда слова не нужны. Нити выдавали мысли лучше любого признания. Софья Николаевна боялась. Федор Кузьмич и Михаил Иванович пытались найти какой-нибудь выход. Николай Степанович уже мысленно готовился к похоронам. Лишь Аграфена Львовна сохраняла внешнее спокойствие, однако и ее линии выдавали тревогу.

— Сергей Вяземский считается одним из лучших молодых фехтовальщиков губернии, — наконец произнес Федор Кузьмич.

Спасибо. Очень обнадеживающая информация.

— Насколько лучших?

— Он трижды выигрывал турнирные поединки. Кроме того, владеет сильным родовым пламенем.

— А что, пламя так важно для поединка? — неосмотрительно вырвалось у меня.

Все посмотрели на меня удивленно. Похоже, такие вещи следовало знать с рождения. Пришлось снова сослаться на последствия падения — объяснение начинало надоедать, но работало безотказно.

— Каждый аристократический род обладает собственной силой — пламенем, — снисходительно, как ребенку, пояснил мне Федор Кузьмич. — В той или иной степени оно помогает представителям рода. Вяземские считаются одним из сильнейших родов империи.

А пламя рода Орловых едва теплилось. Я сам это видел.

В ту ночь я почти не спал. Не из-за страха — страх как раз был вполне рационален. Меня гораздо сильнее беспокоила задача. Я не умел фехтовать. Вообще. За всю жизнь я держал в руках разве что кухонный нож и пару раз — спортивную рапиру на школьных занятиях, да и то лет двадцать назад.

Однако Александр Орлов фехтовать умел. Тело помнило. Я начал понимать это уже на следующий день, когда Федор Кузьмич привел старого наставника по имени Егор Савельевич — седого отставного офицера, явившегося еще затемно. Тот осмотрел меня, покачал головой и сразу выдал вердикт:

— Техника есть.

— Что?

— Тело помнит.

Я невольно усмехнулся. Похоже, не только я пришел к этому выводу.

Мы начали тренировку. Через пять минут стало ясно, что ситуация одновременно лучше и хуже, чем я предполагал. Мышцы действительно знали нужные движения, ноги сами занимали правильную позицию, рука держала клинок уверенно. Но разум постоянно опаздывал — будто я управлял чужим автомобилем с непривычной коробкой передач. К вечеру стало понятно главное: за два дня невозможно научиться побеждать Сергея Вяземского. В честном поединке я проигрывал. Быстро. Именно тогда я впервые задумался о другом — как использовать мою Способность.

Нити менялись вместе с вероятностью того или иного события. Теперь я видел это отчетливо, особенно во время тренировок. Когда Егор Савельевич наносил удар, вокруг него возникало несколько вариантов движения. Когда я отвечал — тоже. Большинство исчезало мгновенно, оставался один. Реальность. Но некоторые варианты я успевал заметить.

Сначала это казалось игрой воображения. Потом — закономерностью. Потом — инструментом. На второй день подготовки я уже сознательно пытался следить за развилками будущего. Это было трудно: после получаса занятий начинала раскалываться голова. Но результат появился. Я начал видеть не сами события, только их вероятность — словно передо мной на мгновение раскрывалось несколько дорог. Одна вела к поражению. Другая тоже. И лишь одна-единственная выглядела чуть менее безнадежной.

Я вспомнил свою прошлую жизнь. Переговоры, тендеры, кризисы. Там все работало похожим образом: хороший менеджер редко знает будущее, но умеет выбирать вариант с наибольшими шансами. Сейчас происходило то же самое — только гораздо нагляднее.

Вечером накануне дуэли я сидел и размышлял о Сергее Вяземском. Вспоминал рассказы о его славных победах, которыми в избытке снабдил меня мой учитель Егор Савельевич. Я пытался понять своего завтрашнего противника не как человека — как систему.

Он был быстрее меня, сильнее, техничнее. Но существовала одна проблема: он любил побеждать красиво. Для него победа являлась не результатом, а представлением. Шоу, как сказали бы в моем прежнем мире. Сергей стремился произвести впечатление, унижить противника, показать превосходство. Именно поэтому большинство его боев выглядело одинаково: Сергей долго играл, красиво атаковал, демонстрировал мастерство, тянул время, любовался собой. Если бы он просто захотел меня убить, я не продержался бы и минуты. Но он ведь захочет устроить спектакль! Именно это давало мне шанс. Крошечный, почти невидимый — но шанс.

На место дуэли собралось неожиданно много народа. Старая поляна за городом, весеннее солнце, свежая трава, зрители — почти праздничная атмосфера. Люди любят наблюдать чужие трагедии, особенно заранее предрешенные.

Прибыла, разумеется, и группа поддержки: Софья Николаевна, Варвара с отцом, Федор Кузьмич, даже Аграфена Львовна. Все приехали, все ждали. Нити вокруг моих близких пылали тревогой. У Вяземского, напротив, сияли азартом. Он выглядел великолепно — уверенный, спокойный, улыбающийся человек, который уже считает себя победителем. Именно это мне было нужно.

Когда мы встали друг напротив друга, время словно замедлилось. Я видел линии — сотни линий, тысячи. Они пересекали пространство между нами. Будущее дрожало перед глазами десятками возможных вариантов. В одном случае я погибал через двадцать секунд, в другом — через минуту, в третьем получал тяжелое ранение. Большинство дорог заканчивались одинаково — поражением. Но одна выглядела иначе. Сергей атакует, я отступаю. Еще раз. Еще.

Потом его ошибка — маленькая, почти незаметная, связанная не с техникой, а с характером, с желанием покрасоваться. Я увидел ее заранее. И решил ждать.

— Начали!

Вяземский атаковал мгновенно. Я едва успел отбить первый удар, потом второй, третий... Противник был действительно хорош — намного лучше меня. Каждый выпад приходилось встречать почти на пределе возможностей. Толпа что-то кричала, я не слушал. Все внимание уходило на линии: они мелькали перед глазами непрерывно, варианты будущего сменяли друг друга. Большинство вело к поражению, некоторые — к смерти. Я отбрасывал их, шаг за шагом отступая назад.

Сергей улыбался. Он чувствовал превосходство и наслаждался им. Красные нити вокруг него становились ярче: азарт рос, тщеславие тоже. Он начал рисковать чуть больше обычного, выполнять выпады чуть эффектнее обычного. Толпа любила такие вещи. А я любил статистику. И статистика говорила, что чем больше человек демонстрирует превосходство, тем выше вероятность ошибки.

Внезапно линии перед глазами вспыхнули. Вот она — та самая развилка, единственная. Сергей собирался выполнить сложный красивый выпад. Совершенно ненужный, но эффектный. Для зрителей, для себя, для собственного самолюбия.

Я увидел это за мгновение до начала движения. И впервые за весь бой атаковал сам — не думая, доверившись вероятности. Тело Александра завершило движение лучше, чем смог бы я.

Клинки столкнулись. Раздался звон, потом еще один. Сергей попытался исправиться — поздно. Я уже оказался внутри его защиты. Еще один удар, резкий поворот кисти — и его шпага вылетела из руки.

Несколько секунд стояла тишина. Полная, абсолютная — даже птицы словно замолчали. Сергей смотрел на пустую ладонь. Я — на него. Не веря происходящему.

Потом до меня дошло.

Я победил. Не благодаря мастерству, не благодаря силе и не благодаря чуду. Я победил потому, что нашел единственный путь среди сотен проигрышных вариантов — и сумел пройти по нему.

Публика возбужденно зашумела. Такого исхода, очевидно, не ждал никто, мнения зрителей расходились лишь в вопросе, сколько времени я смогу продержаться. Где-то позади ахнула Варвара, и я обернулся к своим. Софья Николаевна стояла, закрыв лицо руками, а Федор Кузьмич улыбался — впервые с момента моего появления в этом мире.

А нити вокруг них вспыхнули ослепительным светом. Впервые за все время я увидел, как над Орловыми горит не отчаяние — надежда. Маленькая, хрупкая, но настоящая. И почему-то мне показалось, что в далекой часовне родовое пламя стало чуть ярче.

Глава 4. Тайники и тайны

Победа над Сергеем Вяземским, естественно, род Орловых не спасла. Цифры в долговых книгах остались прежними, кредиторы не исчезли, залоги не испарились, пламя рода не вспыхнуло до потолка. И эйфория от победы у меня прошла уже на следующее утро.

Конечно, настроение в доме слегка изменилось. Одна выигранная дуэль не превратила разорившийся род в процветающий, зато существенно подняла мои личные котировки. Слуги смотрели на меня с возросшим уважением. В глазах Софьи Николаевны впервые за долгое время появилась осторожная надежда. Даже Аграфена Львовна перестала говорить о грядущем крахе как о событии уже свершившемся. Варвара же теперь глядела на меня так, словно я не выбил шпагу из рук самонадеянного фигляра, а вернулся победителем с большой войны.

Вопрос о моей женитьбе на этой девушке матушка подняла через несколько дней.

За окнами моросил мелкий весенний дождь. В кабинете покойного Павла Андреевича было тепло от камина, но бумаги, лежащие передо мной, оставались такими же холодными и безжалостными, как прежде. Я уже второй час пытался свести в единую картину наши доходы и долги, когда появилась Софья Николаевна. Вошла она, как обычно, без стука, уселась в свободное кресло у письменного стола и некоторое время молча наблюдала за моими мучениями. В последнее время это вошло у нее в привычку, и иногда мне казалось, что таким образом матушка пытается заново познакомиться с собственным сыном.

— Ты все время работаешь, Саша, — наконец сказала она.

— Я должен этим заниматься, матушка. Надо быть в курсе текущих дел.

— Раньше тебя хозяйственные книги интересовали значительно меньше.

Я невольно улыбнулся:

— Раньше я был моложе и глупее.

Софья Николаевна тоже улыбнулась, но сразу стала серьезной.

— Я хотела поговорить о Варваре.

Я отложил бумаги и приготовился слушать.

— Ты ведь знаешь, что ее отец согласился на вашу помолвку, несмотря на все беды Орловых?

— Знаю, — ответил я, хотя, разумеется, мог только догадываться.

— Многие на его месте уже давно нашли бы более выгодную партию для дочери.

С этим трудно было спорить. Брак с наследником тонущего рода выглядел сомнительной инвестицией.

— Все потому, что Варя тебя любит.

— Возможно.

— Не «возможно», а любит, — в голосе Софьи Николаевны прозвучала неожиданная твердость. — Она готова хоть завтра за тебя выйти!

Я промолчал.

— Подумай о чувствах девушки, Саша. Кроме того, ее приданое поможет нам.

Вот теперь разговор перешел к сути. Я уже видел те цифры. Приданое было весьма приличным — для обычного помещичьего рода оно могло бы стать серьезным подспорьем. Но для Орловых, погрязших в долгах по самую крышу, оно означало лишь отсрочку. Не спасение — передышку. Несколько месяцев, в лучшем случае год.

— Матушка, приданое Варвары не решит наших проблем.

— Но поможет выиграть время.

— Да, какое-то небольшое время...

— Иногда время дороже денег.

В этом матушка была права. Я смотрел на окутывающие ее серебристые линии и понимал, что для нее этот брак важен не только с финансовой точки зрения. Она видела в нем надежду на будущее рода, на появление внуков. Она желала доказать себе и всем, что Орловы еще живы и способны строить планы дальше ближайшего месяца.

— Ты ведь не передумал на ней жениться? — спросила она.

Вопрос прозвучал спокойно, но нити над головой Софьи Николаевны вспыхнули тревогой. Она боялась ответа. И я понимал почему.

— Я не собираюсь нарушать данное мною слово, — сказал я после некоторой паузы.

Это была правда. Но не вся правда. Потому что сердце мое к этому браку действительно не лежало. И не потому, что Варвара была мне неприятна — напротив, она была очаровательна, умна, добра и искренна. Но она любила не меня, она любила мальчишку Александра Орлова — человека, которого больше не существовало. И каждый раз, когда я вспоминал об этом, внутри становилось неуютно. Я чувствовал себя обманщиком, втершимся в доверие к юной девушке.

Софья Николаевна внимательно на меня смотрела. Слишком внимательно и обеспокоенно. Похоже, неуверенность, прозвучавшая в моем ответе, не осталась незамеченной.

— С тобой ведь все в порядке, Саша? — спросила матушка.

— В порядке, — заверил я, не вполне понимая, что она имеет в виду.

Но уже скоро я это понял.

Ночью меня разбудило легкое постукивание в дверь. В комнате царил полумрак. Лунный свет серебрил край ковра и часть стены возле окна. Сначала я решил, что мне показалось, потом услышал тихое царапанье снова.

За дверью стояла горничная Дуня. Она выглядела удивительно спокойной для девушки, стучащей ночью в спальню молодого барина.

— Дуня, ты? Что случилось?

— Как спится вам, Александр Павлович? Не нужно ли чего?

По тону служанки было понятно, что происходящее кажется ей совершенно естественным. Мне же казалось совсем наоборот. Несколько мгновений ушло на то, чтобы разобраться в ситуации. Было очевидно, что Дунины визиты к молодому барину случались и раньше, причем достаточно регулярно. Похоже, прежний Александр не видел в них ничего необычного.

— Ваша матушка сильно беспокоится о вашем здоровье, — добавила горничная.

Тут мне стало смешно: я понял главную причину ее появления. Софья Николаевна решила убедиться, что недавнее ужасное падение с лошади не причинило сыну никакого... дополнительного ущерба. И сделать это она решила самым прямолинейным способом из всех возможных. Впрочем, сама Дуня явно действовала не только по поручению барыни. К происходящему она относилась с заметным энтузиазмом и, кажется, искренне желала хорошо провести время.

Остаток ночи растворился в полумраке комнаты... После ухода жены — в той, завершившейся жизни, — у меня периодически появлялась то одна, то другая женщина: монахом я отнюдь не был. Но ни одна из них не стала для меня особенной, ни одна не могла заместить собой Лену. Так было и сейчас.

Когда за окнами начал сереть рассвет, Дуня поднялась первой, поправила волосы и посмотрела на меня долгим внимательным взглядом.

— Вы правда изменились после падения, барин.

— Настолько заметно?

— Очень.

— В худшую сторону?

Она задумалась.

— Нет. Просто стали другим человеком.

Эти слова прозвучали настолько близко к истине, что я невольно отвел взгляд.

Утром Софья Николаевна выглядела заметно спокойнее. Никаких объяснений не последовало — но я и без того прекрасно понимал, что Дуня уже сделала ей доклад.

Для реализации своих матримониальных планов матушка прилагала максимум усилий. Визиты Варвары в нашу усадьбу еще более участились. Она приезжала вместе с отцом, с теткой или с младшей кузиной... Иногда оставалась лишь на несколько часов, а иногда на весь день. Софья Николаевна неизменно находила повод задержать гостей подольше.

Совместные прогулки по парку, чаепития, обсуждение будущей свадьбы, семейные предания — все это постепенно превращалось в привычную часть моей жизни. С каждым новым визитом я узнавал Варвару лучше. И от этого становилось только сложнее, потому что она действительно была замечательной девушкой.

Однажды вечером мы оказались вдвоем в старой беседке над прудом. Остальные остались в доме. Дождь недавно закончился, и воздух пах мокрой листвой. Варвара сидела рядом и рассказывала какую-то историю из детства, но постепенно разговор затих сам собой. Наступила тишина — не неловкая, а какая-то другая.

Она смотрела на воду. Потом вдруг повернулась ко мне.

— Знаешь, чего я боялась больше всего?

— Чего?

— Что после того, как ты очнешься после падения, ты меня разлюбишь.

Я хотел ответить что-нибудь разумное, но не успел. Варвара неожиданно придвинулась ближе — слишком близко. Я почувствовал легкий запах ее духов, увидел дрожь ресниц. Она подняла руку и осторожно коснулась моей щеки. Потом ее губы нашли мои.

Поцелуй оказался совсем не робким. Не случайным. Варвара прекрасно понимала, что делает. На несколько мгновений мир словно исчез: остался только теплый вечер, шум воды за беседкой и девушка, которая давно считала себя моей невестой. Когда она наконец отстранилась, глаза ее сияли.

— Теперь я спокойна. Я вижу, ты все еще мой.

От этих слов мне стало тяжело. Очень тяжело.

Через неделю Софья Николаевна сказала, что дата свадьбы назначена. С родителями Варвары все нюансы утрясены, со священником все согласовано, необходимые приготовления уже начались. Возражать теперь — означало устроить скандал, последствия которого ударили бы по всем сразу — по Варваре, по Софье Николаевне, по самому роду Орловых.

Поэтому я просто кивнул.

А вечером снова закрылся в кабинете покойного Павла Андреевича. За окнами темнело. На столе лежали долговые ведомости, рядом — карты земель, чуть дальше — отчеты управляющего. Я смотрел на них и чувствовал странное облегчение. С делами было проще. Намного проще. Долги не обижались, земли не влюблялись, хозяйственные книги не ждали взаимности. Там существовали причины и следствия, цифры и решения. Именно дела рода постепенно становились моей единственной настоящей отдушиной — потому что только там я точно знал, кто я такой и что должен делать.

В первые дни я называл свою способность по-разному: даром, зрением, интуицией, иногда даже магией, хотя последнее слово казалось слишком расплывчатым. Потом решил не усложнять и оставил для внутреннего использования термин «способность».

И теперь я постепенно начинал постигать ее природу.

Во время дуэли я увидел не будущее. Будущее вообще не существует в единственном числе. Я увидел множество вариантов, большинство из которых заканчивались моим поражением.

нием, и один — победой. Самое главное заключалось в том, что сам факт наблюдения уже влиял на результат. Если бы я просто увидел нужную развилку и ничего не сделал, она так и осталась бы одной из вероятностей. Но я сделал выбор и изменил ход событий. Значит, способность показывала не судьбу — она показывала возможности. А любую возможность можно было усиливать или ослаблять.

Мысль была настолько важной, что я несколько дней подряд возвращался к ней снова и снова. Иногда мне казалось, что именно этого понимания от меня ждал тот старик из между-мирья. Не способности видеть — способности выбирать.

Эксперименты я проводил осторожно, в основном на себе. Однажды утром поставил перед собой две книги и попытался заранее определить, какую из них возьмет горничная Дуня, если попросить ее подать мне любую на выбор. Перед ее приходом над книгами действительно возникли тонкие линии вероятностей, и одна выглядела чуть ярче другой. Дуня взяла в руки именно эту книгу и вопросительно на меня посмотрела. Затем озорно улыбнулась и ее нежный розовый язычок вдруг быстро скользнул по книжному переплету. С книгой в руках она приблизилась ко мне. Не скрою, дальнейшее развитие событий вышло за рамки первоначального эксперимента, но весьма мне понравилось...

В другие разы я наблюдал за деловыми разговорами, которые по долгу службы вел с разнообразными собеседниками наш управляющий Федор Кузьмич. Вокруг говорящих постоянно вспыхивали развилки возможных решений: некоторые исчезали почти сразу, другие держались дольше. Иногда мне удавалось угадать исход разговора еще до того, как стороны приходили к соглашению. Иногда — нет.

Пытаясь разобраться в природе Способности, я вспоминал странные случаи из моей предыдущей жизни. Как-то раз я вел переговоры с двумя подрядчиками. Оба выглядели одинаково убедительно, оба предоставили правильные документы, оба говорили разумные вещи. Но тогда я почему-то сразу понял, кому нельзя доверять — без доказательств, без фактов, просто понял. Позже выяснилось, что именно этот подрядчик пытался провести мошенническую схему. И таких случаев мне вспомнилось немало. Странное ощущение правильного решения, необъяснимые догадки, неожиданные предчувствия — раньше я считал их интуицией. Теперь уже не был в этом уверен. Возможно, Способность существовала со мной всегда, просто в прежнем мире проявлялась гораздо слабее...

Но одно мне постепенно становилось ясно: она растет, развивается, учится вместе со мной, как мышца, которую я долго не использовал и вот принялся разрабатывать.

Воровство семейного имущества я обнаружил случайно. Хотя, если подумать, случайностей вокруг меня становилось все меньше.

Все началось с Ивана Тимофеевича — старого лакея, того самого седого человека, которого я впервые увидел в день пробуждения. Он служил Орловым почти сорок лет, знал дом лучше любого управляющего, нянчил еще Павла Андреевича — отца Александра и пользовался всеобщим уважением. Даже вечно брюзжащая по поводу слуг Аграфена Львовна отзывалась о нем без обычного яда.

На первый взгляд Иван Тимофеевич выглядел образцом преданности. Именно поэтому его линии сразу привлекли мое внимание. Они были неправильными — не темными, не несущими зло, просто неправильными. Обычно нити человека складывались в понятную картину: страх, надежда, привязанность, корысть — все имело свою логику. Здесь же часть нитей, неестественно изгибаясь, уходила куда-то в сторону, словно пыталась скрыться среди других связей. Я мысленно проследовал вдоль этих странных линий и путь привел меня к старой покосившейся от времени постройке на заднем дворе, бог знает для чего служившей ранее, а ныне забитой всяким хламом.

Сначала я решил, что старик по какой-то причине прячет там какие-нибудь личные вещи. Потом заметил еще одну странность: после его похода в тот сарай часть нитей меняла оттенок, и в них отчетливо проступала грязно-коричневая примесь — очень похожая на чувство вины. После этого я начал наблюдать за действиями Ивана Тимофеевича более внимательно, и в конце концов решил посетить сарай лично. Если бы кто-то сказал мне год назад, что я буду тайком обыскивать хозяйственные постройки разоряющегося дворянского поместья в другом мире, я бы посоветовал этому человеку не перегибать с увлечением фэнтези. Но жизнь вообще редко считается с нашими представлениями о нормальности.

Сарай встретил меня запахом старого дерева и пыли. Сначала я ничего не нашел, потом заметил свежие следы возле дальней стены. За ними обнаружилась плохо закрепленная доска. За доской — настоящий тайник, весьма основательно оборудованный.

Я некоторое время просто смотрел, потом тихо выругался. Серебряные ложки с фамильным гербом. Карманные часы. Золотой портсигар. Мешочек с монетами. Украшения. Не несметные сокровища — но и не мелочь. Тайник явно использовался годами, речь шла не о случайной краже. Дом обворовывали медленно, осторожно, системно.

На следующий день я вызвал Ивана Тимофеевича в кабинет. Старик вошел спокойно, поклонился.

— Звали, Александр Павлович?

Я молча открыл ящик стола, достал серебряную ложку, положил перед ним. Потом часы. Потом портсигар.

Цвет лица старика начал медленно меняться. Сначала исчезли краски, потом дрогнули губы. Наконец он опустился на стул — без приглашения, словно ноги перестали держать.

— Сколько лет вы крадете? — спросил я.

Он прошептал:

— Семнадцать, барин.

Честный ответ. Я видел это по нитям.

— Целых семнадцать лет вы обкрадывали своих хозяев?

— Да.

Я ожидал оправданий, слез, попыток соврать. Ничего подобного. Старик выглядел человеком, который подсознательно слишком долго ждал именно этого разговора.

— Как это началось? Вам зачем-то потребовалось много денег?

Он долго молчал.

— Сначала было нужно для дочери. Ее муж не мог оплатить лечение. Потом я баловал внуков. Потом уже просто не смог остановиться.

В его голосе не было ни гордости, ни раскаяния. Только усталость — страшная усталость старого человека.

Я смотрел на него и понимал, что имею полное право выгнать его из дома, вызвать стражу и заточить его в тюрьму. Такое наказание выглядело справедливым. Но почему-то я не спешил. Наверное, потому что видел его нити: страх, стыд, вина — все настоящее, никакой игры.

— Знаете, что вас ждет?

— Да.

— И не пытаетесь оправдаться?

Старик покачал головой.

— Нет смысла.

Потом неожиданно добавил:

— Но если позволите сказать одну вещь...

— Говорите.

Он посмотрел прямо мне в глаза.

— Украденное мною, даже если его вернуть, не поможет вашему роду, барин. А вот то, что находится на Мертвой поляне, помочь может.

На мгновение мне показалось, что я ослышался. Нити вокруг старика вспыхнули настолько ярко, что я невольно подался вперед. Никакой лжи, никакой попытки спастись красивой сказкой. Он говорил правду. Именно это меня насторожило сильнее всего.

— Что за поляна?

— Никто уже не помнит. Кроме меня.

— Тогда рассказывайте.

История оказалась странной — очень странной, даже по меркам мира, где существовало родовое пламя и магические линии. Вот, что я вынес из рассказа Ивана Тимофеевича.

Мертвая поляна находилась в северной части наших владений, далеко в лесу. Вроде бы, когда-то давно один из Орловых запретил приближаться к поляне без особого разрешения, причину никто не объяснял. Со временем запрет превратился в легенду, потом в суеверие. Люди избегали тех мест уже больше ста лет, считалось, что там «нехорошо»: не растут деревья, не селятся животные, даже трава выглядит странно-серой. Но тем не менее, дед Павла Андреевича, то есть мой в этом мире прадед, незадолго до смерти вызвал к себе юного на тот момент сына Андрея и показал ему некую тайную карту, на которой путь к Мертвой поляне был обозначен.

«Старый барин», как именовал прадеда Иван Тимофеевич, был человеком ученым и много времени проводил в своем кабинете. Ну а молодой слуга Иван постоянно был у него на подхвате – помогал снимать с полок и подавать книги, да и вообще всячески прислуживал, ибо старый барин к концу жизни стал совсем немощен и самостоятельно передвигаться не мог. Постепенно прадед так привык к присутствию Ивана, что и разговор с сыном вел, совершенно не обращая внимания на слугу. Оттого Иван Тимофеевич и услышал нечто, возможно, для его ушей не предназначенное.

— И зачем мой прадед показал сыну карту? – задал вопрос я.

— На случай гибели рода.

Я почувствовал, как сердце начинает биться быстрее.

— И что находится на поляне?

— Не знаю.

— Как это?

— Старый барин говорил молодому только одно: если Орловы окажутся на краю гибели, наследник должен отправиться туда.

— А что молодой барин? Мой дед впоследствии туда не ходил?

Иван Тимофеевич ответил не сразу.

— Нет, не ходил. И мне потом настрого запретил об этом рассказывать.

Это удивило меня — очень удивило. Если дед знал о существовании некой таинственной силы, способной помочь нашему роду, то почему не воспользовался ею? Ответ пришел почти сразу: потому что не верил. Ветреный юноша воспринял слова умирающего отца как семейную легенду, старую сказку. Да и дела наши тогда еще не были столь катастрофичными.

А вот линии над головой Ивана Тимофеевича говорили мне другое. Слуга знал своего «старого барина» лучше всех и серьезно относился к его словам. И еще он был уверен, что ныне пришло время рассказать обо всем последнему из Орловых.

— Где эта карта сейчас? – поинтересовался я

Старик посмотрел на меня долго и внимательно.

— Я отдам ее вам, барин. Но сначала хочу знать свою судьбу.

Он напоминал человека, который уже стоит на краю пропасти и просто хочет понять, насколько долгим будет падение.

Я некоторое время молчал.

— Если карта окажется настоящей, вы останетесь в доме.

Старик вздрогнул.

— После всего, что вы обнаружили?

Я посмотрел на него, потом на бумаги, потом на нити.

— После всего. Потому что вы воровали у Орловых, но не предавали Орловых.

Он неожиданно закрыл лицо руками. Старый человек, очень старый — наверное, впервые за много лет позволивший себе заплакать.

А я сидел за столом и размышлял.

Таинственная карта. Запрет, ставший суеверием. И последняя надежда умирающего рода. Похоже, следующая глава моей новой жизни должна начаться именно на Мертвой поляне.

Глава 5. Мертвая поляна

На следующее утро после разговора с Иваном Тимофеевичем я впервые за все время почувствовал нечто похожее на настоящее воодушевление.

До сих пор мои попытки спасти Орловых напоминали борьбу человека, который пытается удержать руками рушащуюся стену. Я сокращал расходы, искал скрытые резервы, разбирался с долгами, вычислял воров и жуликов — но все это оставалось обороной. Теперь впервые появился шанс найти что-то новое. Не отсрочку, не уступку кредиторам, не очередную дыру, которую можно заткнуть деньгами из приданого Варвары. Нечто настоящее. Нечто, ради чего один из старых Орловых счел необходимым хранить тайну на протяжении нескольких поколений.

Карту Иван Тимофеевич принес вечером. Старый лист плотной пожелтевшей бумаги выглядел так, словно его не раз доставали из тайника и снова прятали обратно. Большая часть обозначений давно стерлась, но основные ориентиры сохранились.

Я разложил карту на столе и долго изучал ее вместе с Федором Кузьмичом. Тот притащил еще какие-то карты и теперь скрупулезно сверял их с картой Ивана Тимофеевича.

— Кажется, понял. Здесь! — управляющий, ткнул пальцем в точку на севере моих владений, совсем близко к их границе.

— Место называется Мертвая поляна. Значит там должен быть лес, — уточнил я, приглядываясь к участку вокруг пальца.

— Так и есть. Мы называем его Северный лес.

Да уж. Весьма креативное название.

— Что там сейчас?

— Ничего. Зброшенная часть владений.

Ответ прозвучал настолько странно, что я невольно поднял голову.

— Как так? Совсем заброшенный лес?

— Да. Старый лес. Камни. Овраги. Болота местами. Земля плохая, никогда толком не использовалась.

— А эту поляну знаете?

— Только по слухам. Мертвая поляна и есть, — Он пожал плечами. — Детские страшилки.

Я посмотрел на карту, потом на линии. За последние недели Способность изменилась: нити возникали теперь не только вокруг людей, но и возле предметов, мест, решений. Сейчас над картой медленно пульсировала тонкая серебристая дорожка — начиналась возле обозначения поляны и уходила куда-то дальше, в глубину леса, туда, где на карте уже ничего не было. Я почувствовал знакомое ощущение: так бывало перед удачными решениями еще в прошлой жизни, словно мир осторожно намекал, куда следует смотреть.

Через два дня наша исследовательская экспедиция отправилась в Северный лес. Ехали верхом, взяв самый минимум инвентаря. Меня сопровождали Федор Кузьмич, Иван Тимофеевич и двое крепких работников из поместья. Никого лишнего я брать не хотел: чем меньше людей знает о тайне, тем лучше.

Погода стояла пасмурная. Северный лес постепенно сгущался вокруг нас. Сначала попадались очень старые просеки, потом исчезли и они. Места выглядели неприветливо: влажный воздух, мох, кое-где каменные выходы породы. Старые деревья, хотя и высокие, были какими-то чахлыми и стояли довольно редко — здесь без труда можно было проехать не только верхом, но и с обозом. Но ни одной человеческой постройки, ни одного признака хозяйственной деятельности! Земля эта действительно казалась неблагоприятной — в прошлой жизни я бы посоветовал любому инвестору держаться от такого участка подальше.

К полудню мы, сверяясь с картой, добрались до поляны, и я сразу понял, почему ее называли Мертвой. Она отличалась от обычных полей — не размерами, не формой, чем-то другим. Трава здесь почти не росла. Деревья останавливались у границы так резко, словно боялись пересечь невидимую черту. Кустарников тоже почти не было. Только серая земля и редкие пятна сухого мха.

— Плохое место, — пробормотал один из работников, поежившись. — Дьявольское.

Я не ответил, потому что смотрел на линии. Они были повсюду: сотни тонких нитей пронизывали пространство над поляной, некоторые уходили под землю, другие терялись среди деревьев, третьи словно сходились в одной точке почти в центре. Я медленно пошел вперед. Линии начали светиться ярче.

Федор Кузьмич что-то говорил за спиной — я почти не слушал. Еще шаг. Еще. И вдруг земля под ногами словно вспыхнула. Я увидел это не глазами — внутренним зрением. Было ощущение, что я стою не на поляне, а на прозрачной крыше чего-то огромного, ярко светящегося.

— У нас ведь есть лопаты? — спросил я Федора Кузьмича.

— Пару прихватили.

Через несколько минут мы начали копать. Работники поглядывали на меня с явным сомнением — со стороны все выглядело довольно нелепо: молодой барин привел людей в глухой лес и приказал копать землю посреди пустой поляны.

Прошло около часа. Потом один из рабочих ударил обо что-то твердое, и все замерли. Еще несколько ударов лопатой. Земля осыпалась. Под ней показался камень — не валун, слишком ровный, слишком правильный. Мы начали расчищать находку осторожнее. Постепенно из-под слоя земли проступила часть стены. Старая кладка. Очень старая.

Федор Кузьмич снял шляпу и перекрестился.

— Господи...

К вечеру удалось расчистить достаточно большой участок. Руины какого-то старинного сооружения — причем весьма крупного. Массивные каменные блоки выглядели древними, но были добротно подогнаны друг к другу — строители явно рассчитывали на века. Некоторые участки кладки вообще почти не пострадали от времени. Все это не имело никакого сходства с обычной хозяйственной постройкой.

— Кто это сделал? — спросил один из работников.

Никто не ответил, потому что никто не знал.

Я осторожно провел рукой по поверхности камня — и линии под ней вспыхнули. Сразу десятки, сотни, уходящие вниз, под землю. В этот момент я понял две вещи: первая — подземелье значительно больше, чем можно себе вообразить, и вторая — вход находится где-то рядом.

Мы до темноты расчищали руины и искали путь вниз. Потом здесь же разбили лагерь и переночевали — надо сказать, весьма нервно: лошади были беспокойны, людям лезла в голову какая-то жуть. С первыми же рассветными лучами мы с облегчением кинулись расчищать руины дальше. И вот тогда нашли вход.

Под грудой обрушившихся камней скрывалась лестница — широкая, уходящая вниз, в абсолютную темноту. Воздух из подземелья оказался сухим и неожиданно теплым, словно где-то в глубине продолжала работать невидимая печь. Работники сразу занервничали. Иван Тимофеевич перекрестился. Федор Кузьмич выглядел человеком, который сильно жалеет о согласии участвовать в этой затее.

А я почувствовал азарт. Настоящий, почти детский. Наверное, именно так чувствуют себя археологи перед входом в неизвестную гробницу. Или искатели сокровищ. Или идиоты. Очень часто это одни и те же люди.

— Спускаемся, — сказал я тоном, не допускающим возражений.

Лестница оказалась длинной. Мы лезли по ней вниз почти десять минут — с факелами, медленно, осторожно. Но надо сказать, что все здесь сохранилось удивительно хорошо: никаких следов обвала, никакой сырости. Только камень, пыль и тишина. Абсолютная, неприятная — такая бывает в местах, где слишком давно не ступала человеческая нога.

Потом лестница закончилась, и перед нами открылся огромный зал. Я остановился. Даже факелы будто стали светить слабее. Высокий свод, каменные колонны... И круглая площадка в центре — почему-то я подумал, что на ней раньше проводились некие ритуалы.

— Боже, что это за место? — не переставал шептать Федор Кузьмич.

Я тоже хотел бы это знать. Но линии уже начали отвечать мне не своим языком: они сходились к центру зала, туда, где находилась площадка. Там было что-то важное.

Мы подошли ближе. На поверхности камня обнаружили надписи — древние, почти стертые, незнакомые. Я попытался разобрать хотя бы один символ — и вдруг почувствовал резкую боль, словно раскаленную иглу воткнули прямо в голову. Перед глазами вспыхнуло белое пламя. Потом исчезло. Я пошатнулся.

— Александр Павлович!

— Все нормально.

На самом деле нормально не было. Потому что на долю секунды мне показалось, будто надпись ответила — не словами, образом, короткой вспышкой чужой памяти. Именно тогда я сделал первое открытие: эти руины связаны с родовой силой Орловых напрямую, гораздо сильнее, чем я предполагал.

Второе открытие оказалось еще важнее. На краю площадки лежал небольшой металлический цилиндр, покрытый странными узорами. Время почти не тронуло его. Я поднял находку — и линии вокруг буквально взорвались: тысячи вероятностей, сотни путей, десятки вариантов будущего. Такого раньше никогда не происходило.

Я принялся внимательно разглядывать поверхность цилиндра, когда подземелье дрогнуло. Совсем слегка, но достаточно ощутимо. С потолка сыпалась пыль. Где-то в глубине комплекса раздался глухой звук — словно проснулся огромный механизм. Мы замерли. Звук повторился, на этот раз ближе.

А потом линии вероятности перед глазами вспыхнули кроваво-красным — практически все, почти одновременно. Мы разбудили что-то внутри руин. Что-то очень древнее. И крайне опасное.

Несколько секунд никто не двигался. С потолка продолжала осыпаться каменная пыль. Где-то далеко в глубине подземного комплекса снова прозвучал тот же глухой удар — теперь он напоминал не работу механизма и не обвал, а тяжелые шаги существа настолько огромного, что каждый его шаг отзывался в толще камня.

Я крепче сжал найденный цилиндр. Линии вокруг нас превратились в настоящий хаос: красные вспышки мелькали передо мной одна за другой. Большинство вариантов будущего заканчивались очень плохо, особенно для работников. И мои люди чувствовали это без всяких линий. Один из них уже начал пятиться к лестнице.

— Уходим, барин, — хрипло проговорил он. — Уходим отсюда.

В обычной ситуации я бы согласился немедленно. Но тут я словно оцепенел: взгляд мой не мог оторваться от цилиндра. Артефакт словно жил собственной жизнью: тонкие узоры на его поверхности едва заметно светились, обычный взгляд ничего бы не заметил. И я чувствовал нечто странное: связь, словно эта вещь каким-то образом откликалась именно на мое присутствие. Очень похожее ощущение возникло тогда, когда я впервые увидел родовое пламя Орловых.

— Александр Павлович!

Крик Федора Кузьмича вывел меня из ступора. Я посмотрел вокруг и неожиданно понял: уходить действительно нужно. Но не потому, что опасность непреодолима. Просто я совер-

шенно не готов: ни знаний, ни оборудования, ни понимания происходящего. Только способность видеть вероятности и горстка испуганных людей с факелами. А этого слишком мало для исследования древнего подземного комплекса, тем более если внутри него действительно что-то пробудилось.

— Да, уходим, — согласился я.

Все облегченно выдохнули.

Обратный путь прошел значительно быстрее: когда человек знает, что за спиной находится неизвестная опасность, ноги начинают работать гораздо энергичнее. Лишь однажды я обернулся — глубоко в коридоре на мгновение вспыхнул слабый голубоватый свет, совсем далеко, потом исчез. Но этого оказалось достаточно: работники прибавили шаг.

На поверхности все почувствовали себя лучше. Даже воздух казался другим — живым, настоящим. Несколько минут мы просто стояли возле раскопа, приходя в себя.

Потом я снова достал цилиндр. На солнце он выглядел совершенно обычным: потемневший металл, незнакомые символы, никакой магии, никакого свечения. Но стоило сосредоточиться на линиях, как картина менялась: от предмета расходились десятки нитей вероятности, некоторые уходили к руинам, другие — ко мне, третьи терялись где-то очень далеко. Именно это пугало больше всего. Обычно линии связывали людей, события или места. Здесь я видел связь с чем-то неизвестным, с чем-то, чего пока не понимал.

— Покажите, барин.

Рядом оказался Иван Тимофеевич. Я протянул ему находку. Старик осторожно взял цилиндр в руки, несколько секунд рассматривал — и вдруг побледнел.

— Что?

— Видел я такой рисунок.

— Где?

— Очень давно. У вашего прадеда.

Иван Тимофеевич некоторое время молчал, потом заговорил:

— Старый хозяин работал тогда в своем кабинете. Я был молодым, помогал ему, доставал книги с верхних полок. Однажды подавал ему очень старую книгу — на обложке были начерчены похожие знаки.

— Что за книга?

— Не знаю.

— А где она сейчас?

Старик грустно усмехнулся:

— Все сгорело. В той части дома много лет назад был пожар.

Я задумался. Старые книги, тайные знаки, подземный комплекс, артефакт, пожар... Отдельные куски мозаики, которая пока не начала складываться. По крайней мере в моей голове.

В поместье мы вернулись поздно вечером. Софья Николаевна встретила нас на крыльце и поцеловала меня в щеку.

— Ну как ваш поход? Нашли кое-что интересное?

Я посмотрел на управляющего, на работников, на Ивана Тимофеевича.

— Пока не знаю.

Это была не совсем правда. Но и не ложь. Рассказывать о подземелье не хотелось никому — слишком многое оставалось непонятным. Матушка недовольно поджала губы, однако настаивать не стала. Она уже привыкла, что после выхода из комы сын приобрел некоторые странности.

Ночью я снова не мог уснуть — даже несмотря на умиротворяющее присутствие рядом Дуни. Цилиндр лежал на столике у моей кровати. Луна отбрасывала на него серебристый свет.

Я взял цилиндр в руки и почти сразу почувствовал легкую вибрацию — будто предмет откликнулся на прикосновение. Линии вспыхнули. Перед глазами возникло несколько десятков вариантов: незнакомые помещения, коридоры, залы, двери, части подземного комплекса. Словно артефакт показывал возможные пути.

Я замер, потом медленно сосредоточился. Из десятков вариантов выделялся один — самый яркий, самый устойчивый. Он вел к чему-то расположенному глубоко под землей, гораздо глубже, чем мы сегодня спускались. Там находилась главная тайна всего сооружения. В этом я был уверен почти полностью.

Внезапно линии дрогнули. Картина изменилась, и возникло новое изображение — не место, а человек. Высокая фигура в темном плаще. Лица, закрытого капюшоном, я не видел. Но ощущение опасности возникло мгновенно. Незнакомец стоял возле входа в подземелье, смотрел вниз.

Картина исчезла так же быстро, как появилась. Я резко сел на кровати. Сердце билось часто. Это было уже не исследование прошлого — это было предупреждение. Кто-то еще интересуется этими руинами. Кто-то еще ищет тайну Орловых.

За спиной раздался шорох.

— Барин, вам не спится? — прошептала Дуня. — Вы все думаете про тот странный лес?

— А ты знаешь что-нибудь об этом лесе?

— Нет. Ничего особенного. Просто говорят, что это плохое место. Гиблое. Не ходили бы вы там, барин... Страшно.

— Не бойся, Дуняша. И знаешь... сейчас я хочу побыть один.

Горничная тихо оделась и покинула спальню. А я все смотрел на артефакт, лежавший на столе в лунном свете.

На следующий день я приказал Федору Кузьмичу подготовить все данные о наших северных землях. Их оказалось неожиданно много: карты, хозяйственные книги, описания местности, сведения об объектах. Исчезнувшие дороги, заброшенные охотничьи домики, старые межевые знаки, какие-то непонятные записи на полях документов. Чем больше я изучал архивы, тем сильнее крепло ощущение, что история Мертвой поляны значительно древнее самого рода Орловых.

Вечером обнаружилась еще одна любопытная деталь. В одной из старых хозяйственных книг нашлась короткая запись, сделанная, судя по всему, рукой моего прадеда. Всего одна строка — без пояснений, без даты, без контекста.

«Ключ оставлен внизу. Врата по-прежнему запечатаны. Слава Богу».

Я перечитал ее несколько раз. Потом еще раз. И почувствовал холодок вдоль позвоночника.

Ключ и Врата. Не сокровищница, не хранилище, не тайник. Врата! И ключ — очевидно, от этих самых Врат. Я вспомнил огромный зал, странную круглую площадку, древние символы, глухие удары, идущие из глубины. И понял: моя первоначальная версия, что подземелье скрывает некие магические знания или артефакты, способные помочь роду Орловых, была, пожалуй, слишком простой. Возможно, под Мертвой поляной мои предки веками охраняли нечто большее.

И если это так, то наше появление могло стать очень серьезной ошибкой. Или, наоборот, единственным шансом спасти род.

Пока я не знал ответа. Но одно понимал точно: на Мертвую поляну мне еще предстоит вернуться.

Глава 6. Первые деньги

После открытия Мертвой поляны жизнь в усадьбе словно разделилась на две части. В одной существовали долги, хозяйственные книги, бесконечные разговоры о предстоящей свадьбе и попытки удержать разваливающееся поместье на плаву. В другой — древние руины под землей, загадочный артефакт, странные записи предков и ощущение огромной тайны, скрытой где-то в глубине леса.

Проблема заключалась в том, что тайна не приносила денег. Во всяком случае, пока. А кредиторы не желали ждать, пока я разгадаю загадки древности.

Поэтому следующие недели пришлось посвятить делам куда более прозаическим. Я занялся хозяйством — настоящим хозяйством, не так, как это делал Александр, и не так, как привыкли местные.

В прошлой жизни я не управлял поместьем. Зато пятнадцать лет занимался закупками, логистикой, договорами и организацией процессов. Когда ежедневно имеешь дело с людьми, пытающимися украсть, обмануть, завесить цену или переложить ответственность на другого, поневоле начинаешь понимать, где теряются деньги. Здесь же деньги терялись буквально везде.

В первый же день я обнаружил, что в конюшне числится шестнадцать лошадей, а реально используется восемь — остальных кормили, лечили и содержали исключительно по привычке. Через два дня выяснилось, что из двух мельниц одна уже несколько лет не работает, потому что никто не удосужился починить сломанный жернов и прохудившуюся плотину. Вторая же загружена меньше чем на треть из-за давнего дурацкого конфликта с купеческой артелью, возникшего во времена моего отца, который абсолютно не понимал как работает бизнес. Через неделю я узнал, что несколько из арендаторов платят за землю по расценкам десятилетней давности, просто потому что договоры аренды никто не пересматривал.

Сначала мне казалось, что это отдельные случаи. Потом стало ясно: так устроено все хозяйство. Не злой умысел, не саботаж — обыкновенная привычка. Люди десятилетиями делали что-то определенным образом и давно перестали задаваться вопросом, правильно ли делают.

Федор Кузьмич сначала смотрел на мои действия с осторожностью, потом с удивлением, а затем начал относиться к ним почти как к проявлению колдовства.

— Простите, Александр Павлович, — сказал он однажды, разглядывая новую ведомость расходов, — но как вы вообще догадались проверить арендатора из Глинок?

— Потому что он единственный не жаловался на тяжелые времена.

— И что?

— Если вокруг все беднеют, а один человек внезапно начинает жить лучше прежнего, нужно посмотреть, за чей счет это происходит.

Федор Кузьмич задумался.

— Странная логика.

Я усмехнулся. В моем мире подобная логика считалась элементарной. Здесь — почти откровением.

Через три недели произошло событие, которого в доме уже давно не ждали: мы получили прибыль. Небольшую, по меркам прежней жизни смешную. Но это были настоящие деньги, заработанные хозяйством, а не взятые в долг. И именно благодаря им удалось заплатить взнос в контору Вяземского и избежать продажи имущества с торгов.

Когда Федор Кузьмич показал матушке отчет по доходам, Софья Николаевна несколько раз перечитала цифры.

— Это какая-то ошибка?

— Нет.

— Но как это возможно?

Я пожал плечами. Объяснять принципы управленческого аудита человеку девятнадцатого века было довольно сложно, поэтому пришлось ограничиться простой формулировкой:

— Просто перестали терять деньги там, где можно их не терять.

Матушка долго качала головой. Аграфена Львовна после этого заявила, что падение с лошади явно повредило мне голову, но, возможно, в полезную сторону. Даже Николай Степанович начал смотреть на меня с некоторым уважением — хотя линии над его головой по-прежнему советовали держать родственника подальше от всего ценного.

Впрочем, куда сильнее меня занимали другие линии — те, что тянулись от найденного артефакта. Каждый вечер я изучал цилиндр из подземелья. Постепенно становилось понятно, что предмет связан не просто с руинами. Он был ключом. Вопрос заключался в том, к чему именно. Ответа пока не находилось.

Виктория Белова появилась в усадьбе неожиданно — Впрочем, как выяснилось позже, неожиданным ее приезд был только для меня. Для остальных это выглядело вполне естественным событием.

Я работал в кабинете, когда во дворе послышался топот копыт, потом голоса, потом чей-то уверенный смех. Через несколько минут дверь распахнулась без стука и без предупреждения.

На пороге стояла женщина — высокая, стройная, темноволосая, лет тридцати двух или тридцати трех. На ней был дорожный костюм для верховой езды, за плечами висел плащ, на поясе находилась шпага. Серые глаза смотрели внимательно и чуть насмешливо.

— Ну здравствуй, Саша.

Я поднялся. Линии вокруг женщины вспыхнули мгновенно: сила, воля, опасность, верность — очень редкое сочетание.

— Виктория Алексеевна?

Она улыбнулась.

— Узнал все-таки.

На самом деле я ее не узнал. Но имя уже слышал. Моя дальняя родственница, урожденная Орлова, вдова. Женщина, занимавшая в нашем клане должность командира охраны. Увы, должность эта ныне стала почти бутафорской. Малочисленная охрана рода изредка инспектировала границы оскудевших владений Орловых, а также сопровождала редкие торговые обозы, идущие по нашим землям. Денег Виктории такая деятельность практически не приносила, поэтому свой основной доход она получала, состоя в охране у князей Голицыных.

Виктория шагнула в кабинет, остановилась напротив — и вдруг нахмурилась. Совсем слегка, на секунду. Но я заметил. И линии тоже заметил. Что-то ее насторожило. Очень сильно.

— Что случилось? — спросил я.

— Пока не знаю.

— В каком смысле?

Она помолчала, потом неожиданно рассмеялась.

— Забавно.

— Что именно?

— Ты. Раньше я бы сказала, что ты вырос. Теперь не уверена.

Я почувствовал легкое напряжение. Похоже, наблюдательность у женщины была не хуже моей собственной.

— Люди меняются.

— Настолько?

Мы смотрели друг на друга несколько секунд. Странное ощущение возникло почти сразу: впервые после попадания в этот мир я разговаривал с человеком, который воспринимал меня

не как мальчика, не как наследника, не как надежду рода, не как жениха Варвары — а просто как равного собеседника. И это оказалось неожиданно приятно.

В следующие дни Виктория часто появлялась рядом — иногда по делам охраны, иногда просто так. Она много ездила по землям рода и знала об их состоянии не хуже управляющего. Постепенно мы начали разговаривать все чаще: сначала о хозяйстве, потом о людях, потом вообще обо всем подряд.

Однажды вечером мы сидели на старой террасе, выходящей в парк. Солнце уже скрылось за деревьями, дом постепенно погружался в сумерки. Виктория слушала мой рассказ о новой системе учета зерна — внимательно, не перебивая, что само по себе было редкостью.

— Знаешь, — сказала она наконец, — иногда мне кажется, что после падения с лошади ты стал лет на десять старше.

Я невольно рассмеялся.

— Всего на десять?

— Хорошо. На двадцать.

— Это уже ближе к истине.

Слова вырвались раньше, чем я успел подумать. Виктория внимательно посмотрела на меня — слишком внимательно.

— Тебе тяжело среди них?

— Среди кого?

— Среди всех. Софьи Николаевны. Варвары. Родственников. Слуг. Тех, кто помнит прежнего Александра.

Несколько секунд я молчал, потом вдруг осознал, что впервые за долгое время мне хочется говорить откровенно. Хотя бы немного.

— Иногда кажется, что очень тяжело.

— Почему?

— Потому что все ждут от меня одного человека. А получают другого.

Виктория кивнула — словно именно это и предполагала.

— Я тоже это заметила. Настолько очевидно?

— Только тому, кто хорошо тебя знал раньше.

Она помолчала.

— Но знаешь, что?

— Что?

— Новый вариант мне нравится больше.

Странно. Очень странно. Но от этих слов стало легче — наверное, потому что я впервые получил подтверждение собственным ощущениям. Она действительно видела разницу. И принимала ее.

Через несколько дней я решился рассказать Виктории о Мертвой поляне. Не все — только основное: руины, подземелье, артефакт, запись о Вратах. Женщина выслушала молча, ни разу не перебив, потом долго смотрела на темнеющий парк.

— И ты собираешься вернуться туда?

— Обязательно.

— Опасно.

— Знаю.

— И все равно пойдешь.

— Да.

Она усмехнулась.

— Тогда я пойду с тобой.

— Почему?

— Потому что кто-то должен прикрывать твою спину.

Ответ прозвучал настолько естественно, что спорить не хотелось.

Некоторое время мы сидели молча. Потом разговор неожиданно свернул на Варвару.

— До свадьбы две недели.

— Знаю.

— Ты не выглядишь счастливым женихом.

— Это так заметно?

— Очень.

Лгать не хотелось. Особенно ей.

— Варвара замечательная девушка.

— Но?

— Но она любит человека, которым я больше не являюсь.

Виктория молчала. Потом неожиданно кивнула — словно поняла больше, чем следовало.

В этот момент я почувствовал невероятное облегчение. Возможно, впервые с момента появления в этом мире — потому что наконец нашел человека, которому мог говорить правду хотя бы наполовину.

Но вместе с тем приближался день свадьбы. И чем ближе он становился, тем тяжелее делалось на душе. Я все чаще ловил себя на мысли, что должен не допустить этого брака, — только не понимал, что можно сделать, когда все уже решено. И при этом много думал о Виктории: о разговорах с ней, о ее спокойствии, о том странном ощущении понимания, которое возникало рядом. Ничего предосудительного между нами не происходило — ни намеков, ни признаний, ни прикосновений. Но иногда человек становится важным задолго до того, как успевает это осознать.

Накануне свадьбы в усадьбе царил суета. Приезжали гости, слуги носились по дому, на кухне готовились к празднику. Софья Николаевна выглядела счастливой, наверное, впервые за многие годы. Я же ощущал себя человеком, которого готовят к неизбежной казни.

Но тут случилось неожиданное. Поздним вечером, когда все, казалось, отошло ко сну, со стороны двора раздался шум, и вскоре ко мне постучал Федор Кузьмич. Полный тягостных мыслей о завтрашнем дне, я не спал и немедленно открыл дверь. Управляющий выглядел странно — настороженно, даже испуганно.

— Александр Павлович...

— Что случилось?

— Приехали от Лариных. Варвара Михайловна пропала.

Сначала я решил, что ослышался.

— Что значит пропала?

— Нигде нет. Ни дома, ни у родственников, ни у подруг. Выяснили, что ее никто не видел еще с сегодняшнего утра. Посыльный сообщил: поехала верхом к кухне, в назначенное время не вернулась, но дома беспокоились только к вечеру. Начали искать — оказалось, у кузины она вообще не была. Нашли ее лошадь под седлом — паслась неподалеку от усадьбы, Варвары Михайловны рядом не было...

— Может быть, сбежала? Не захотела свадьбы?

В комнате повисла тишина. Я почувствовал, как внутри медленно поднимается холод — не тревога, именно холод. Потому что линии вероятности вокруг этой новости выглядели неправильно. Слишком много темных вариантов, слишком много опасности, слишком мало случайности.

Слово «пропала» обладало какой-то особенной тяжестью. Оно мгновенно вытесняло все остальные мысли. Свадьбу, долги, Мертвую поляну, даже странное чувство вины, которое мучило меня последние недели. Я вдруг отчетливо осознал: Варвара доверяла мне, верила мне,

ждала будущего рядом со мной, а я, несмотря на все внутренние сомнения, несмотря на ощущение, что она любит не меня, а прежнего Александра, — я желал Варваре счастья. И вот теперь она исчезла.

Я резко поднялся:

— Лошадей.

— Уже готовят.

Конечно. Федор Кузьмич тоже понимал, что ждать нельзя.

Через четверть часа весь дом стоял на ногах. Слуги носились по коридорам, посыльных отправляли в соседние деревни, несколько всадников уже направились к ближайшим дорогам. Софья Николаевна была блее полотна. Когда я встретил ее в холле, она схватила меня за руку.

— Найди ее.

В этих двух словах не было приказа — только отчаяние. Я накрыл ее ладонь своей.

— Найду.

В тот момент я действительно верил, что смогу. Хотя понятия не имел как.

Отец Варвары встретил нас на крыльце своей усадьбы и почти сразу начал рассказывать, многократно повторяясь: куда собиралась ехать, что говорила, во что была одета. Я слушал вполуха, потому что пытался делать другое — использовать Способность.

До сих пор она помогала мне находить закономерности, видеть связи, определять вероятности тех или иных решений. Теперь впервые речь шла о человеческой жизни.

Я закрыл глаза. Сосредоточился. Попытался представить Варвару — ее лицо, голос, поцелуй в беседке, ее светлые линии, которые всегда тянулись ко мне.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом мир дрогнул, и линии появились — сначала немного, потом намного больше. Десятки возможных дорог, сотни, расходящихся во все стороны, словно корни гигантского дерева. Каждая вела к собственному варианту событий. Некоторые быстро обрывались, другие тянулись дальше, третьи исчезали в темноте.

Голова начала болеть почти сразу. Такого количества вероятностей я еще никогда не видел — потому что раньше искал решение, а сейчас искал человека. Живого человека. А человеческая судьба оказалась куда сложнее любой сделки или дуэли.

Я заставил себя сосредоточиться, отсечь лишнее, найти главное. И тогда впервые увидел нечто по-настоящему страшное. Часть линий заканчивалась пустотой — не смертью, не могилой, не обрывом. Именно пустотой. Словно в какой-то момент Варвара просто исчезала из мира.

Я резко открыл глаза. Холодный пот выступил на спине. Такого раньше не случилось. Никогда.

— Что с вами?

Рядом оказался Федор Кузьмич. Я несколько секунд подбирал слова.

— Плохо.

— В каком смысле?

— Я не понимаю, что вижу.

Управляющий нахмурился. В последнее время он уже привык к некоторым моим странностям, но сейчас встревожился по-настоящему.

— Варвара Михайловна жива, как вы думаете?

Вопрос прозвучал тихо. Я хотел ответить уверенно — не смог.

— Думаю, да.

Поиски по окрестностям не прекращались всю ночь, постепенно обрастая желаящими помочь. Почти с самого начала к нам присоединилась Виктория. Прибыв в усадьбу по случаю моей завтрашней свадьбы, она тут же взяла дело в свои руки. Выслушала информацию, не

стала задавать лишних вопросов и просто начала действовать. К полуночи вся округа была разбита на сектора, отряды прочесывали дороги, леса, берега рек, старые постройки.

Я наблюдал за Викторией и в очередной раз убеждался, что она находится на своем месте. В кризисных ситуациях одни люди теряются, другие начинают суетиться, третьи ищут виноватых. Она просто работала — спокойно, методично, без лишних слов. И от этого становилось немного легче.

Уже под утро, когда мы оказались вдвоем у камина в малой гостиной, превратившейся в импровизированный штаб, Виктория вдруг посмотрела прямо мне в глаза:

— Ты что-то такое знаешь?

Я отвел взгляд на языки каминного пламени. Потом решился и рассказал ей про свои видения: про линии, про пустоту, про ощущение, что Варвара не умерла.

Виктория слушала молча.

— И что все это, по-твоему, значит? — задала она наконец самый естественный вопрос.

Я долго колебался. Возможно, это как-то связано с Мертвой поляной.

— Объясни, почему?

— Не могу. Я сам ничего не понимаю, просто чувствую.

Это была чистая правда. Я не понимал умом, но где-то глубоко внутри уже зарождалась убежденность в причастности Мертвой поляны. Слишком много необъяснимого происходило вокруг тех древних руин. Слишком много совпадений, слишком странное исчезновение невесты накануне свадьбы, слишком странные линии вероятности...

— Если ты прав, то мы ищем не простого похитителя, — медленно произнесла Виктория.

— Да.

— Тогда кого?

Я опять посмотрел на языки каминного пламени и вдруг вместо них увидел еще одну картину — очень короткую, почти мгновенную. Девушка стояла посреди огромного каменного зала. Знакомого зала. Того самого, который мы нашли под Мертвой поляной. Только теперь он был освещен странным серебристым светом, а за ее спиной медленно открывался вход в темный тоннель. Видение исчезло так быстро, что я не успел рассмотреть подробности. Но сердце продолжало колотиться, впервые за всю эту безумную ночь почувствовал настоящий страх. Неужели Варвара там? Как это возможно?

— Что ты сейчас увидел? — тихо спросила Виктория. Все это время она внимательно за мной наблюдала

Я поднял голову.

— Похоже, мне придется возвращаться в те подземелья.

— Почему?

— Потому что мне кажется, Варвара находится именно там. И потому что боюсь узнать, что именно произойдет, если мы опоздаем.

Глава 7. Следствие

Мы выехали еще до рассвета. Небо только начинало светлеть на востоке, когда небольшой отряд покинул усадьбу Орловых. Кроме меня и Виктории в поездке участвовали Федор Кузьмич, Иван Тимофеевич и четверо надежных людей из охраны. Никто не разговаривал без необходимости — исчезновение Варвары словно легло тяжелой тенью на каждого из нас.

Я совершенно не спал этой ночью, и сейчас в голове тяжело и навязчиво ворочалось слишком много мыслей. Слишком много тревоги, слишком много вопросов без ответов. Больше всего беспокоила меня Способность. За последнее время я привык ей доверять — не слепо, не безоговорочно, но доверять. Она предупреждала об опасности, помогала видеть скрытые связи, показывала вероятности там, где остальные видели только хаос. Теперь же происходило что-то непонятное, словно кто-то вмешался в работу механизма, который прежде действовал безотказно. Линии вокруг исчезновения Варвары выглядели неправильными, рваными, противоречивыми: иногда вели к Мертвой поляне, иногда нет, иногда показывали опасность, иногда — пустоту. Такого раньше не случалось. И это пугало сильнее любых видений — потому что я вдруг перестал понимать собственный дар.

К Мертвой поляне мы добрались часа за три. Лес выглядел совершенно обычным, даже слишком обычным. После ночных тревог и странных видений я ожидал увидеть что-то зловещее, но вокруг царило спокойствие: пели птицы, шумели деревья, сквозь листву пробивались солнечные лучи.

Поляна встретила нас все той же серой землей и редкими пятнами мха. Ничего не изменилось — никаких следов борьбы, никаких признаков чужого присутствия, никаких намеков на то, что здесь могло произойти нечто необычное. Линии вероятности тоже молчали. Это было особенно странно: еще несколько дней назад вся поляна буквально сияла от переплетения сил, возможностей и скрытых связей. Теперь же выглядела почти пустой, словно кто-то стер все следы или выключил невидимый механизм.

— Здесь? — спросила Виктория.

— Здесь.

Она огляделась. На лице читалось плохо скрываемое сомнение. Нет, она не считала меня лжецом — но увиденное явно не соответствовало рассказам о загадочных руинах и пробуждении древней силы.

Мы добрались до каменных развалин и спустились вниз. Лестница осталась на месте, подземный зал тоже — те же колонны, те же стены, та же круглая площадка в центре. Я ожидал чего угодно: света, странных звуков, следов чужого присутствия, хотя бы намек на то, что несколько дней назад здесь происходило нечто необычное. Ничего. Подземелье выглядело заброшенным много веков назад — очень интересным для ученого, очень ценным для историка, но не более того.

— И здесь ты слышал странные звуки? — спросила Виктория.

— Да.

— И видел какие-то светящиеся линии?

— Да.

Она провела рукой по каменной колонне.

— Странно.

— Думаешь, мне почудилось?

— Нет, — ответ прозвучал слишком быстро. — Но сейчас здесь действительно ничего нет.

Я хотел возразить и не смог. Линии молчали, способность молчала, подземелье молчало. Словно все произошедшее несколько недель назад было сном. Мысль показалась настолько

нелепой, что я едва не рассмеялся — ведь я тогда не один видел происходящее, и слишком много подробностей осталось в памяти.

А недавнее видение с Варварой в этом зале? Что это было? Неужели это лишь мое разгулявшееся воображение? Нет, во мне сидело и все более крепло ощущение некой чужой странной воли. Кто-то подсовывал мне ложные картинки, искусно заметал следы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.